

ЛОЯ КСЕАНЕЛИС

Тайное вплетение

Лоя Ксеанелис

Тайное влечение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40649261

ISBN 9785449628060

Аннотация

Любовь Эльги с Олегом взаимна, но реальные и вымышленные препоны стоят стеной между ними. Молодые люди вынуждены скрывать свои чувства друг от друга. Они расстаются, героев разбрасывает по свету. Пролетают десятилетия, однако память об утраченном счастье продолжает тревожить душу. Пересекутся ли их пути вновь? Что готовит эта встреча? Найдут ли в себе силы на откровенность? Способны ли бросить вызов судьбе, откинув страх?

Содержание

Часть первая	5
1. Она. На пороге	6
2. Он. Вторжение	13
3. Она. Предшествование	21
4. Он. Соприкосновение	28
5. Она. Предыстория	32
6. Она. Впервые	36
7. Он. Проба	48
8. Она. Сомнения	53
9. Он. Распознавание	59
10. Она. Откровение	65
11. Он. Наотмашь	72
12. Она. Недоверие	80
13. Он. Попытка	87
14. Она. Противостояние	92
15. Она. Надлом	96
16. Он. Иллюзорный шаг	107
17. Она. Унесённые мечты	115
18. Он. Недостижимая	125
19. Она. Трясина	131
20. Он. На пределе	143
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Тайное в плетение

Лоя Ксеанелис

© Лоя Ксеанелис, 2019

ISBN 978-5-4496-2806-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Там, где всё началось

1. Она. На пороге

Эля смотрела, как за окнами старенького «уазика» исчезали в сумраке пронесившиеся картинки пейзажа чужой страны. Всё было ново, хотя ничто не поражало воображение. Она чувствовала сейчас лишь растерянность, страшилась неизвестности, в голове царил сумбур, вызванный срочным отъездом. Девушка знала о предстоящей перемене, готовилась к ней, однако события стали развиваться неожиданно скоро. Случившееся оказалось на руку. Рутину последних лет жизни засасывала её в омут безысходности, не давая никаких надежд на будущее. Спокойная стабильность, застой в отношениях, какая-то неподвижность во всём, тоскливая скука пролетавших дней, месяцев, лет заставляли чувствовать себя отработанным материалом, чужой в собственной судьбе. Изматывали постоянные скандалы в семье, устраиваемые истеричной матерью, приевшаяся работа да извечные проблемы эгоистичного брата.

Эле надоели ничего не значащие, скоротечные знакомства, одномоментные встречи, одноразовые свидания, заискивающе-масляные взгляды потенциальных претендентов на благосклонное внимание. Холодную пустоту девичьего сердца они не согревали. Один странный тип, приглашённый вздорной мамашей, племянник давних знакомых, возомнил себя её женихом, вызвав протест в сознании недотроги. Мать

настойчиво рекомендовала не отворачиваться от гостя, обходиться с ним поласковее. Окрылённый поддержкой визитёр набрался смелости, раз мечтался о совместной жизни, стал планировать скорое рождение двух детей-погодков. Эльгу не спрашивали, даже слова вставить не давали. Она махнула рукой, оставила бесполезные попытки, опасаясь очередного припадка материнской агрессии. Скоропалительный контракт на три года явился для неё избавлением от ненужных выяснений отношений с родительницей да с загостившимся «женихом», своеобразным побегом.

Эля ехала за новыми эмоциями, надеждами, скрывалась от одиночества, грусти, оставляя за плечами всю серость, неурядицы московской жизни.

Городок Фюрстен встретил их неоновым светом вывесок на немецком и тишиной. Разъехавшиеся ворота на пропускном пункте военного городка открыли для машины проезд на территорию части. Девушку с провожатым высадили у двухэтажного серого здания общежития для служащих. По ступенькам широкого крыльца они поднялись к входной двери, из-за которой раздавался гул мужских голосов. Створки неожиданно резко распахнулись, Элю едва не сбил с ног мужичонка, вылетевший на улицу под крики оставшихся:

– Николаич, будет тебе! Постой!

Безнадёжно махнув рукой, тот потрусил прочь.

Прибывшие вошли внутрь. Шум стих. На Эльгу оценива-

юще глядели с десятков мужских глаз. Девушка ненавидела такие моменты, хотя жизнь любила бросать её в подобные ситуации. Ещё в подростковом возрасте ей приходилось частенько испытывать на себе любопытные взгляды сотен подчинённых отчима, служившего командиром в одной из войсковых частей. Чтоб скрыть свою природную стеснительность, скованность, она придавала лицу выражение равнодушной отстранённости, словно пряталась за маской, что вошло в привычку. Мать неизменно отчитывала её за «надменную манеру поведения», но освоенный приём всегда выручал. Сейчас опять пришлось прибегнуть к излюбленной тактике, принять холодно-безразличный вид, дабы не залить-ся краской смущения. Следуя через узкий проход между разгорячёнными, подвыпившими незнакомцами, с которыми ей предстояло жить по соседству, она ни на кого старалась не смотреть, пока в этой безликой для неё толпе не упёрлась в спину высокого жилистого парня, стоявшего в проходе, размахивающего руками, хриплым громким голосом доказывая что-то своим оппонентам. Отступив на шаг, Эля попробовала обогнуть препятствие. Неторопливо обернувшись, молодой мужчина заглянул прямо в глаза оторопевшей девушке, вызывающе прохрипел:

– Здрaсте!

Зажав растерянность в кулак, сдерживая дрожь в голосе, Эльга постаралась ответить ровно, спокойно, в тон приветствию:

– Здравствуйте, – и поспешно проследовала за провожаемым, уже скрывшимся за углом.

Подселили её к женщине тридцати пяти лет, в просторную светлую комнату, разделённую шкафами на жилые отсеки, где каждая из жилищек имела угол с пружинистой кроватью, тумбочкой. Около самой двери находилась кухонька, отделённая занавесью, там помещались столики для приёма пищи да разделочный с электрической плиткой, рукомойник, полки с немудрёной посудой, пара табуреток, в углу примостился маленький холодильник. В центре помещения, между шкафами, красовались большой стол с несколькими разномастными стульями, два кресла, тумба со стареньким телевизором для совместного пользования. В общем, на первый взгляд всё приемлемо, даже довольно мило. Рина – так звали соседку – накормила Элю с дороги жареной картошкой, наскоро ввела в курс дела, чтоб поскорее отправить в душ, дабы избежать очереди, – как раз наступило их время пользования санитарным отсеком.

Прихватив с собой халатик с тапочками, полотенце, сумочку со всем необходимым, девушка поспешила в самый конец длинного общего коридора, который, к её радости, опустел. Подставив уставшую спину под упругие струи тёплой воды, новенькая с наслаждением расслабилась, лениво прокручивая в голове события дня. Вскоре, обмотав мокрую голову полотенцем, затянув влажное тело в ярко-красный халатик с белым горошком, посвежевшая, ожившая, она толк-

нула дверь в уже свою комнату и растерянно остановилась, замерев на пороге от неожиданности.

За большим столом сидел тот самый парень, который поразил её самобытностью голоса ещё на лестнице, что-то говорил, почти кричал Рине. Вынув дымящуюся сигарету изо рта, окинув оценивающим взглядом худенькую девичью фигурку, он вдруг обрушил на неё шквал вопросов, незамедлительно требуя ответов, словно имел право на допрос с пристрастием. Ситуация слегка сбивала, чуть злила, заставляла думать, что парень глуп, не понимает двусмысленности положения или намерено разыгрывает комедию.

Девушка, мокрая, полураздетая, растрёпанная, казалась испуганной первоклассницей перед разошедшимся директором школы, не смела дать отпор зарвавшемуся нахалу, ввести его в «игнор». Эле не хотелось начинать пребывание на новом месте со скандала, она еле цедила слова, отвечала, стиснув зубы, старалась больше отмалчиваться. Мучителя спектакль забавлял, он длил и длил эту пытку, дразня её, и, похоже, вознамерился оставаться в девчоночьей комнате долго. Наконец, отбросив свои вопросы, гость разразился тирадой о политике, политиканах, обругал Москву, москвичей, прошёлся по новинкам из мира музыки. Вдруг, прервав свой монолог, заявил:

– Сними полотенце, волосы высохли. Я хочу их видеть.

Задохнувшись от негодования, Эльга прошипела, что знает, когда что делать. Тут мелькнула догадка – паренёк пьян!

Возмущение овладело девушкой. Упрямо сомкнув губы, она, отбросив стеснение, недовольно уставилась на дерзкого человека, посмеявшего нарушить её спокойствие. Долговязый, светловолосый, с сильной шеей, широко развёрнутыми плечами, молодой мужчина определённо отличался привлекательностью, неброской красотой, извечно притягивающей женщин, и знал об этом. Его насмешливые, искристо-серые глаза из-под прищуренных век изучали её, принимая условия предлагаемой игры. Поломанный нос с горбинкой, тонкие твёрдые губы, нависшие светлые брови, с одной стороны перечёркнутые небольшим шрамом, тяжёлая челюсть да рыкающий голос заметно будоражили воображение. Было в нём нечто общее с образом русского воина из былинных времён, но одетого в современные джинсы с чёрной футболкой.

– Долго пялиться друг на друга будем? – прервал молчание парень. – Может, попробуем познакомиться? Меня Олег зовут. Я тут самый главный бузотёр. Тебе ещё расскажут про меня. Своё имя назовёшь?

– Эльга, – механически ответила девушка.

– Уже кое-что, – опять поддразнил парень.

От непривычной беспардонности в общении, нетактичного поведения незваного визитёра захлестнуло волной ярости. Всё копившееся раздражение грозило выплеснуться наружу. Устав слушать их перебранку, Рина пришла на помощь, вызвалась проводить гостя до его комнаты. Когда дверь за ними закрылась, Эля устало подумала о предстоя-

Щем весёленьком житье, если всякие алкаши начнут ходить сюда без спросу, просиживая здесь штаны.

2. Он. Вторжение

Олег лежал на кровати, уставившись взглядом в потолок. Любимый томик – «Момент истины» Богомолова – валялся на полу рядом. Магнитофон на тумбочке без толку надрылся голосами группы Scorpions с композицией Still Loving You – его не слушали.

Сосед по комнате ушёл в гости к подружке, затянувшаяся связь с которой не доставляла Валентину никакой радости, вызывала хроническое недовольство. Разорвать же парень не мог, не хотел обижать девчонку, у той заканчивался контракт через полгода. Друга грела надежда – тогда всё разрешится само собой, Тая уедет без скандала.

У Олега через шесть месяцев трёхгодичная командировка тоже подходила к концу. Произошедшее нынче вечером смыло остатки хмеля, всколыхнуло где-то глубоко в груди нечто, о чём даже не смел задумываться, что казалось несвойственно, слишком ново, непривычно для него. В голове мелькали картины довольно бурной юности, казавшейся бесконечной, – там всегда находилось место безумству мальчишечьих выходов, красивым девушкам, танцам, книгам, музыке, увлечению техникой. Впрочем, всё обычно, у многих так. Отслужив в армии матросом Балтийского флота, он на всю жизнь приобрёл валкую походку бывалого моряка, хриплый сорванный голос, придающий ему дополнитель-

ный шарм в глазах прекрасного пола, да страстную привязанность к Ленинграду. Девчонки тянулись к нему, недостаток в женском внимании не испытывал, но долго они не задерживались из-за его тяги к свободе, смене лиц, приключениям. Связи распались самопроизвольно, без боли, радости. Одни лица память хранила, другие исчезали бесследно, зато запоминался азарт охоты при завоевании нового трофея и триумф победы. Ему нравилось слышать признания в любви, но в конце всегда ждала разлука – делить свою жизнь ни с кем не хотел.

Судьба помотала по свету, технари требовались везде. С годами пришло осознание: ничего стоящего в багаже прожитых лет не осталось, денег не накопил, жил легко, не обременяясь ничем, семьёй в свои двадцать восемь лет, в отличие от друзей, не обзавёлся. Как-то случай столкнул на улице с одной из бывших подружек – та шла, светясь от счастья, с мужем, толкавшим детскую коляску. Неожиданно кольнула мысль: если бы он захотел, дитя могло быть его. Мать с сестрой постоянно в письмах ноют, требуют остепениться, жену в дом привести. Была девушка, которая вроде всем устраивала, только родным, близким не понравилась. Друзья предупреждали о ветрености избранницы – не верил, пока в постели с другим не застал. Банально, однако до сих пор обида на распутницу не забывается. Долго мечтал о реванше, мол, подруга призовёт, прощение станет вымаливать, вновь сумасшедшие ночи захлестнут их, а натешившись, он

сам оттолкнёт её, отомстит за унижение, – но девица вернулась в деревню, вышла замуж за одноклассника. Более трёх лет минуло, а сладкие объятия беспутницы не забываются. Нет, Олег не любил, считал себя неспособным к возвышенным чувствам, для радости хватало лёгких отношений, пьянящих, будто пузырьки шампанского, что будоражат кровь, а вскорости быстро, без последствий исчезают.

Провожая в Германию, мать просила остепениться, приежжать с невестой, мечтала о внуках. Олег матушку боготворил. Она и сестра воплощали в себе самое дорогое в жизни молодого мужчины.

Попав в эту часть, вдруг ощутил – время остановилось. Дни тянулись, а годы летели. После смены заняться нечем, семейные заботились друг о друге, холостякам же спешить некуда. Зачитанное старье из библиотеки, редкие дискотеки, демонстрация устаревших кинофильмов в клубе – весь неприятельный набор для культурного досуга. Иногда летом, сговорившись с ребятами, выезжали на рыбалку или на шашлыки, приправляли горячительным. В общаге сбивались в группы, запивая скуку ликёрчиком или пивком, перекидывались в карты. Свободные мужики по женским номерам ходили, интрижки затевали, кто кого переманит, скольких уломает, уговорит. С бабёнкой под боком жилось веселее, некая осмысленность появлялась.

По приезде с непривычки чурался этого, но одна шустроглазая, из дальнего номера, стала откровенно новенького об-

хаживать. Он поддался на провокацию, веселье понеслось. Женщина оказалась падка на приключения, принялась подбивать клинья к другому. Глупо неволить пустышку – разбежались. Другу любовница оказалась без надобности, любил жену, разбивать семью не планировал. Расстроенная дамочка кинулась обратно, да у него интерес сдулся, пригляделся к соседке бывшей пассии. Девочка прибыла из Горлова, от которого до родной Нежи рукой подать, – на том сошлись.

Вета сначала всего побаивалась, стеснялась. Она казалась созданием готического стиля: фигура, лицо, нос, волосы – всё выглядело удлинённым, устремлённым ввысь. Неприметная, закомплексованная, вызывающая сочувственную сопричастность, девушка смотрелась странноватой, потом привык к ней, проникся, находил даже привлекательной. Бывшая от ревности остервенела, накинулась на напарницу. Олегу пришлось стать на защиту. Вета плакала, он утешал, урезонивая соседку. В первое время разговаривали много, потом Веталина, с его молчаливого согласия, окружила заботой, стала подкармливать, обстирывать, чинить одежду, одалживала денег.

Девчонка быстро влились в его компанию. У бывшей пассии контракт закончился, она отбыла в Союз. Веталина, оставшись единственной хозяйкой в комнате, осмелела, взялась открыто проявлять к нему симпатию, что, безусловно, льстило. Очень нравилось ей выезжать с ним в город или на природу. Когда Олег начинал артачиться, мягко надавли-

вала, убеждая сладеньким голосом в необходимости его присутствия. Чувствуя себя обязанным, со скрипом соглашался, к тому времени ему всё стало порядком надоедать.

В общаге подсмеивались над активными ухаживаниями Веты на фоне его апатичности, впоследствии их объединили в пару, хотя они тогда ещё даже не целовались. Всё произошло гораздо позже и стало нудной обязанностью. Что касается постели, Веталина возвела стену защиты, обещала ввериться ему только после замужества. Такая расстановка пугала: Вета неплохая компаньонка, однако жениться не рвался, это казалось скучным, чувств никаких не возникало, не хватало остроты ощущений. Он считал девчонку лишь другом. Их вялотекущие, длительные отношения приелись, но вреда от них не ощущалось, пользу же приносили. По умолчанию в общаге Веталину принимали за его девушку – парень отмахивался, хотя частенько думал о матери, которую такая хозяйственная невестка устроила бы. Готовила подруга классно, чистенькая, скромная, но останавливало полное отсутствие влечения к ней, такого счастья не хотелось. Влюблённость подопечной тяготила; спасаясь от надоевшей, парализующей опеки, затягивающей в трясины обыденности, парень чаще прикладывался к бутылке. Вета мягко журила, просила не пить, отхаживала от похмелья, прощала грубые выходки, тот же, протрезвев, сбегал к друзьям. Им требовался отдых, разрядка, в отпуск решили идти порознь, тогда-то наконец он обрёл лёгкость, ощутил дыхание

свободы.

Сейчас девушка находилась в Союзе. Попойки с пацанами не прекратились, правда, стали менее интенсивными, привычный образ жизни враз не изменишь.

Слуху о прибытии новенькой в отдел ядов Олег не придал значения. Сегодня, стоя в компании мужиков на лестнице, весь прокуренный, чуть пьяный после пары бутылок пива от Николаича, отмечавшего очередную днюху, заметил её не сразу, не обратил внимания на внезапно наступившую тишину, лёгкий стук каблучков по лестнице. Потом запах сирени, ещё чего—то необычайно свежего, лёгкого заставил обернуться и утонуть в зелёном омуте распахнутых глаз. Растерявшись, автоматически стряхнул пепел с сигареты прямо на пол, неловко буркнул, проклиная грубость своего голоса, нечто вежливое, уместное, по его разумению. Девушка ответила в тон, теми же словами, нежнейшим голоском, как из зазеркалья. Обойдя их бочком, она поспешила за провожатым с лёгкостью бабочки, исчезла за углом. Парни зашумели, делаясь впечатлениями. Олегу же показалось, что сердце в груди забыло биться. Чудесный голос, непривычная серьёзность взгляда отпечатались в памяти. Ему нестерпимо захотелось узнать, чем его зацепили, повторить, осознать непривычные ощущения.

Под каким-то надуманным предлогом он ввалился в комнату к Ринке, куда подселили новенькую, ввязался в бессмысленный диалог, дождался возвращения из душа заин-

тересовавшей особы. Девушка вошла с полотенцем на голове, раскрасневшаяся, тёплая, влажная, в тонком халатике. Несмотря на неловкость ситуации, Олег не смог уйти, не уяснив природы странного наваждения, испытанного впервые. Забавляла девичья растерянность, когда он её рассматривал. Чуть больше среднего роста, с осиной талией, длинной шеей, высокой небольшой грудью, стройными ногами, маленькими детскими ступнями, девочка казалась худенькой, необычайно привлекательной, с чарующими зелёными глазами на нежном лице. Захотелось втянуть прибывшую в разговор, дабы вновь услышать голос, увидеть улыбку, краску смущения на щёках. Парню понравилось новую соседку дразнить, наблюдать за вспышками гнева, негодования, даже злости; ответные реплики собеседницы становились хлёсткими, голос напрягался струной. Решив не накалять обстановку до критической, позволил девчонкам выпроводить себя. В ушах звенел дерзкий, дрожащий от ярости голосок. Рассеянно чему-то улыбаясь, Олег спустился к себе, теперь произошедшее перетиралось в деталях. Валька так и не пришёл.

«Наверно, у Тайки ночует, опять не отпускает, присосалась намертво», – отметил он про себя.

Ничего не хотелось, только бы лежать, уставившись в потолок, предаваясь фантазиям о зелёных чарующих глазах. Он пытался анализировать ощущения, но чем дольше думал, тем больше запутывался в хаосе чувств, поступков.

Утром Олег вышел на крыльцо. Мужики встретили вопросами:

– Ну? Обломилось что-нибудь?

Парень лишь безнадежно махнул рукой, неопределённо пожал плечами, пробормотал беззлобно:

– Откуда в общаге все и всё всегда знают?

3. Она. Предшествование

Пятница пролетела в хлопотах. Эльга осваивалась на новой работе, принимала отдел. Суббота принесла те же проблемы. Вечером соседка позвала на какой-то немецкий праздник. Идея сходить проветриться в городской парк, познакомиться с местными обычаями показалась заманчивой.

Девушки не спеша прошлись по аллеям, продегустировали ликёр на раздаче, попробовали что-то из национальной кухни. Когда вышли к танцполу, уже смеркалось. Всех мужчин вокруг изрядно штормило. Элю пригласил на танец рыжий накачанный немец. Рина сделала страшные глаза; соседка заранее предупредила о неприемлемости отказа на Паркфесте – так называлось торжество, нечто праздника любви. Несогласие местные воспринимали с обидой. Эльга, опасаясь скандала, скрепя сердце, подчинилась обстоятельствам. Партнёр, насквозь пропахший острыми колбасками и пивом, издавая непонятное рокотание, с силой вжимался в неё. Девушка механически кивала в ответ, не в состоянии ничего понять, тщетно пыталась чуть отодвинуться, глотнуть свежего воздуха. Немца не смущал языковой барьер, партнёрша устраивала, отпускать её из ловушки рук он не думал, удерживал пленницей тур за туром.

Эля с облегчением вздохнула, когда заметила ребят из общаги, тоже воспаривших в пиво-ликёрных парах. Они подо-

шли большой компанией, спугнув тем самым незадачливого кавалера, мгновенно растворившегося в толпе. Позволив наконец себе расслабиться, девушка повернулась к вновь прибывшим.

– А, москвичка! Как тебе здесь? – Знакомый надтреснутый голос раздался у самого уха.

Неопределённо пожав плечами, Эльга попыталась ответить, однако зазвучавшая музыка заглушила слова. Олег, схватив за запястья, потянул танцевать.

– На ногах-то устоишь? Меня не уронишь? – съязвила она, но, вспомнив рыжего бугая, положила руки ему на плечи – свой лучше, не так пугает.

Парень прижал к груди с настойчивой нежностью. Девушка неожиданно ощутила уютную безмятежность. Плыть в волнах музыки под куполом звёзд, меж тёмных стволов огромных деревьев, под защитой сильного мужского плеча показалось необычайно хорошо. Среди танца он опустил одну руку, крепко поддерживая другой за спину, откинув голову назад, принялся подпевать звучащей песне, наблюдая за ней из-под полуприкрытых век. Минутный дискомфорт сменился неизъяснимой прелестью такого положения, она полностью отдалась мелодии.

Приближалась полночь. Рина засобиралась домой, позвала Элю. Ребята оседлали велики, стайкой потянулись к части. Девушки шли по тёмным тропам, во мраке выбираясь из города. Один из велосипедистов приостановился возле

них, знакомый хриплый голос окликнул:

– Садись! Поехали!

Очевидная нетрезвость Олега да беспросветная темень пугали.

– Нет! – пролепетала в ответ. – Багажом не езжу, опасуюсь! Тебе бы самому удержаться! Рискуешь разбиться.

– Садись, говорю! – пьяно упорствовал парень, разозлённый отказом, убеждая не трусить, согласиться.

Эля возмущённо вскинулась, оставаясь непреклонной.

– Что привязался? Меня возьми! – отшутилась Рина.

– Нет! Нужен вес полегче, такой только у москвички, – настаивал упрямец.

Уговаривал долго, потом, потеряв терпение, вконец раздосадованный кавалер умчался вперёд, оставив соседок в одиночестве. Вскоре их догнала группа знакомых девчат, глубокой ночью шумной стайкой все вернулись в часть. Олег сидел на освещённом крыльце, курил. Увидев их, вскочил, обиженно отвернулся, направляясь к себе. Эльга, проследив взглядом за долговязой фигурой, недоумённо пожала плечами.

На следующий день в комнату девушек под разными предложениями, да и просто так, потянулись свободные парни, «временные» холостяки общаги, проживающие без жён, дабы представиться новенькой, перекинуться парой слов. Эля отчаянно смущалась, но храбро встречала атаки мужского населения, даже находила силы чуть дерзить – сказывался мос-

ковский опыт отваживания нежеланных ухажёров. Выходные пролетели быстро.

Рабочие дни принесли новые хлопоты по огромному списку служебных вопросов, требующих скорейшего разрешения. Среди недели новые знакомые не очень докучали, если не считать ежедневных сборищ на крыльце по утрам-вечерам да в обед, когда ей приходилось пробираться сквозь толпу мужчин, ощущая оценивающие взгляды. Эльга собиралась с силами, маскируясь отрешённостью, проходила ежедневные испытания пристальным вниманием, напряжённая скованность была заметна только при очень тщательном наблюдении. В глубине души ей это льстило, хотя она с грустью осознавала неизбежность привыкания со временем. Понимала, что откровенный интерес к ней вскоре исчезнет. В толпе парней глаза Эли всегда отыскивали фигуру Олега, сумевшего всё же обратить на себя внимание; неодолимо тянуло взглядываться именно в него.

В очередной субботний вечер Рина вновь потащила соседку в городской парк. Отмечался заключительный день Паркфеста. На этот раз ощущение новизны исчезло, праздник не впечатлял, погода испортилась, моросил дождик. Эльга, боясь натолкнуться на рыжего немца, удерживавшего её танцами неделю назад, периодически нервно оглядывалась. Общежитские ребята опять налегли на пиво, до жути надрались.

– Неужели отдых для наших – это наклюкаться до болтан-

ки? – шептала девушка с тоскливой жалостью к ним, к себе, ведь придётся жить среди такого сброда целых три года.

В какой-то момент знакомые лица растворились в толпе гуляющих. Ринку уволок куда-то Коста, довольно видный «одесский еврей» – так называл он сам себя – с кучерявыми волосами, которого Эля посчитала близким другом приятельницы. Сейчас же, оставшись в тёмном незнакомом месте в одиночестве, девушка растерялась, не зная дороги домой. От подступающей паники спас парнишка из ближайшей части. Тот заметил новенькую со складов в общем магазине и теперь, увидев беспомощно оглядывающуюся девушку среди толпы немцев, поспешил на помощь. Красавчик с шапкой кудрявых русых волос мягким голосом представился Андреем, предложил не волноваться понапрасну. Но тут спасителя оттеснил смутно знакомый мужичок, потребовавший откомендовать его даме. Огорчённый помехой парень неохотно выдал:

– Николай Николаевич – мой начальник!

Эле вспомнился день первого появления в общаге. Человек, чуть не сбивший её с ног, вылетевший навстречу после попойки, претендовал на знакомство. Девушка зябко повела плечами, впечатление о вынужденных попутчиках не обнадёживало, вызывало настороженность. Но других провожатых в темноте искать не имело смысла. Они шли, не торопясь, втроём, выскивая очертание знакомой тропинки. Эльга старалась держаться ближе к Андрею. Пьяненький

шеф парня принялся расшаркиваться, раскланиваться, забрасывая комплиментами:

– Мадонна! Как есть Мадонна! – заплетающимся языком бубнил он, похотливо оглядывая фигуру девушки.

Напористость Николаича шокировала, а рассказы о пикантных приключениях, пересыпанные бесконечными объяснениями в любви, пугали.

Их группа подошла к проходной. Мужчина усилил давление на спутницу, заявил напрямую, что имеет женщину со складов, которую готов сейчас же заменить на «Мадонну», так как он околдован, сделает для неё всё. С облегчением схватившись за створки ворот на пропускном пункте, Эля, прервав монолог разошедшегося ухажёра, осведомила его об оставшемся в Москве любимом женихе и неприемлемости замены.

Николаич, после непродолжительной паузы, упрямо попробовал преодолеть возникшее препятствие, наклонив голову, пробубнил:

– Жених далеко, а я близко!

Наткнувшись на насмешливый взгляд спутницы, осёкся. Через несколько минут, подходя к дверям общаги, жалобным тоном неожиданно выдал:

– Дай тебя поцеловать! Разреш! Только попробуем! Ты хоть раз целовалась по-настоящему?

Девушка сдержала нервное передёргивание плеч, всегда возникающее при попытке нарушения извне её личного про-

странства. Ничем не выдав отвращения, мягко ответила, проскальзывая в приоткрытую дверь:

– Не надо. Ни к чему. Спокойной ночи. Спасибо за компанию!

Общага ещё не спала. Она прошла к своему номеру на втором этаже, толкнула створку. Дверь не поддавалась, закрытая на замок со вставленным изнутри ключом. Робко постучав, Эльга отошла к лестничному маршу, изнывая от смущения, интуитивно догадавшись о происходящем в комнате. Идти было некуда. Эля одиноко стояла, думала, что жизнь идёт своим чередом, как и в Москве, да только всё мимо неё.

4. Он. Соприкосновение

Эльга не попадалась на глаза Олегу пару дней, до субботы. Он старался не думать о ней, мало ли симпатичных мордашек на свете. Девчонка ему без надобности, хотя чем-то цепляет, даже странно. В первый день из любопытства пытался посадить её на крючок – не поддалась, так лучше, зачем осложнять себе жизнь. Правда, зелёное пламя девичьих глаз временами всплывало в памяти.

В субботу, в первый день немецких парковых гульбищ, они с ребятами традиционно расслабились, угощаясь пивом с сардельками, приправляя всё ликёром. Бездумно наблюдая за раскачивающимися парами на танцполе, в сгущающейся темноте ночи парень разглядел тонкую знакомую фигурку в руках рыжего детины, заметил, что напор партнёра пугает новенькую – с трудом сохраняя спокойствие, та украдкой оглядывалась, ища спасения. Громко переговариваясь, пацаны большой ватагой подошли к стайке девчат из их части. Музыка оборвалась, Олег перехватил девушку у немца, неуклюже поприветствовав, увлёк танцем, не спрашивая согласия. К удивлению, Эля не стала сопротивляться – видимо, местный бугай казался страшнее пьяных рож соотечественников, хотя Эльга не удержалась от язвительной реплики по поводу его устойчивости. Ответить не смог, захлебнулся в ощущениях. Через тонкую ткань её одежды прохо-

дили странные волны какой-то энергии. Прижимая партнёршу сильнее, попытался определить природу явления, возникающего при касании её тела. Хотелось уткнуться лицом в мягкое облако волос, вдыхать аромат сиреневой свежести, дабы унять внезапное кружение в голове. Не в силах совладать с наваждением, парень чуть откинулся, нуждаясь в глотке ночной прохлады, дабы восстановить самообладание. Сквозь щёлки неплотно прикрытых век Олег разглядывал лицо партнёрши, казавшееся нереальным в неярком свете звёзд.

Программа праздника подошла к концу. Эльга отошла к ожидающей приятельнице, потерялась в темноте. Позже ребята гнали на велосипедах в сторону дома. Увидев призрачную фигурку, возвращающуюся в общагу в компании соседки, Олег притормозил, с неловкой грубоватостью предложил ей велик, но девушка побоялась довериться. Парень уговаривал, убеждал, хотелось заполучить столичную птичку себе; разозлившись, умчался вслед за друзьями, не добившись желаемого. Паркуя велосипед на освещённом пятачке перед дверями, неожиданно почувствовал смутное беспокойство за Эльгу.

«Как такая хрупкая в кромешной тьме?» – тревожило его.

Никогда в жизни он не волновался так за малознакомого человека. Не понимая беспокоящих импульсов, Олег уселся в ожидании на ступени крыльца, нервно куря сигарету. Увидев приближающихся девушек, явственно ощутил облегче-

ние, а она даже не заметила, так и не подняла глаз. Обада обожгла – его одурачили, вынудили сходить с ума! Отбросив бычок, он кинулся прочь.

На следующий день Олег с тревогой наблюдал за бестолковой суетой у комнаты Эли. Мужики общаги одурели, пытаясь завладеть вниманием красотки. Парня душила злость на неё, на себя, на этих павианов; думал, ему совсем ни к чему это, и вдруг осознал, что безостановочно повторяет:

– Эля. Эльга! Как красиво твоё имя! Звучит неожиданно свежо, такое ёмкое, сильное, одновременно нежное, очень подходит тебе! Не поддавайся! – заклинал он шёпотом, не понимая зачем, ведь у неё впереди три года работы здесь по контракту, а ему через полгода уже в Союз.

На рабочей неделе только мельком удавалось увидеть Птаху – так он её прозвал за летящую походку, – она проскользнула мимо, шепча торопкое «здравствуйте», сбегала с крыльца, исчезала куда-то по своим делам. Пытаясь отключиться от навязчивого наваждения, пробовал не обращать внимания на девчонку, но глаза всегда и всюду, вблизи и вдали видели только её.

На закрытии сезонного празднования немцев Олег с остальными пацанами тусовались в городском парке, девушку там не искал, не желал видеть. Вернулся в общагу не поздно, заметил Косту с Риной, входящих в номер, услышал звук поворачивающегося ключа.

– Хоть кому—то кайф светит, – усмехнулся парень, заво-

рачивая в восемнадцатый номер, к компании дружков, отмечающих выходные.

Ребята допивали последнюю бутылку пива. Через открытую фрамугу донёлся голос Эльги. Выглянув в окно, Олег увидел москвичку, возвращающуюся с двумя чужаками. Суетливый Николаич упорно рекламировал себя, а Кучерявый – так нарекли его пацаны – молча любовался спутницей. Новенькая, улыбаясь нелепым предложениям, почти бежала к дверям, тепло поблагодарив за сопровождение, вошла внутрь здания.

Парень приоткрыл дверь комнаты, сгорая от любопытства. Столкнувшись с запертой изнутри дверью своей спальни, Эля растерялась, затем её лицо осветилось осознанием происходящего; отчаянно смутившись, она покраснела, отошла к лестничному пролёту.

Олег понял: девушка не намерена мешать Рине, деликатно не хочет привлекать внимание ни к себе, ни к соседке с её гостем. Его это невероятно тронуло. Забыв о давешней обиде, решении держаться в стороне, парень тихо вышел из комнаты, изображая случайность встречи, подошёл к Птахе сбоку, усмехнулся, скрывая неловкость. Она удивлённо распахнула глаза, зелёная глубина поглотила его.

5. Она. Предыстория

Эльга всегда знала, откуда у неё такая неприязнь к прикосновениям, к поцелуям. Стоя в одиночестве в коридоре общаги сейчас, она вспоминала один эпизод своего детства, с которого всё началось.

Её отчим слыл неплохим человеком, неплохим командиром, довольно хорошо относился к падчерице. Всю жизнь девушка страдала от несправедливости, вспыльчивости, бесконечных нападок матери. Ей стукнуло четырнадцать лет, она заканчивала восьмой класс школы. В выходной день мая стояла хорошая солнечная погода. Эля зубрила формулы по алгебре к экзаменам, параллельно утюжила бельё. Младший братишка спал в соседней комнате, убаюканный после обеда. Мать с мужем отмечали чей-то юбилей в гарнизонном кафе.

Неожиданно возвратился непривычно пьяный отчим, сально пошутил, ввергнув в смущение, подойдя ближе, притянул приёмыша с силой к себе за худенькие плечи, страстно впился поцелуем, раздвигая языком губы. Девчонка испуганной кошкой попыталась отскочить, отчаянно заколотила по натянутой на груди форменной рубашке кулачками, сдирая костяшки пальцев о звёздочки погон. Сила зрелого мужчины несоизмерима с нескладной хрупкостью подростка. Наконец Эльге рывком удалось оттолкнуться, закричав с отвращени-

ем: «Фу!» – она побежала в ванную оттираться, краем глаза заметив ошеломлённое, трезвеющее лицо материнного мужа. Под струёй холодной воды Эля долго с остервенением тёрла с мылом губы, зубы, щёки, даже нос, смывая, сдирая с себя следы отвратительных мокрых губ.

Вечером потрясённая девочка пожаловалась матери, только зря – та неопределённо пожала плечами, всё вскоре забылось, так показалось глупенькой простушке. Отчим больше не повторял такого никогда. Зато мать, которая постоянно унижала, внушала ей мысль о никчёмности, не обращала на неё внимания, скупилась на ласку, совсем охладела.

– Кто ты такая? Кому ты нужна? За что тебя любить? Никому не интересны твои телячьи нежности! Бр-р! – часто с отвращением корила женщина старшую дочь.

Эльга срослась с одиночеством – трудно в собственной семье жить под гнётом постоянного ощущения вины невесть за что. Родительница стала следить за каждым шагом, каждым движением подростка, атмосфера подозрительности угнетала. После экзаменов Эля уехала в Москву, поступила на фармацевта, зажила отдельно. Это спасло.

Семья вернулась из Заполярья в столицу через три года, девушка окончила техникум, поступила в медицинский институт. Искренняя радость отчима, когда она прошла по конкурсу, шла вразрез с мрачной подавленностью матери, та словно взбесилась:

– Я не собираюсь за неё платить! – заявила женщина,

но Эльга оформилась на вечерний факультет, успешно работала, материально ни от кого не зависела, и той пришлось смириться.

Будучи студенткой, приходила домой только на ночь, но всё равно у родительницы получалось сильно досаждать. Только тогда Эля начала смутно понимать: приёмный отец давно испытывает к ней совсем не отеческие чувства. Она отгородилась, начала сторониться мужчины, но мать всё равно сходила с ума от ревности.

Спустя два года отчим их бросил, оставив после себя ад отношений. Кого и когда бы мать ни приводила в дом с той поры, девушка всегда чувствовала настороженный ревнивый взгляд стареющей озлобленной женщины, разучившейся доверять и любить. Для Эльги же тот давний случай вылился в непереносимость любых физических контактов. Только во время танцев она воспринимала прикосновения. Возникающие же ситуации с поцелуями оживляли воспоминания, мерещились мокрые губы бывшего материного мужа, приближающиеся к лицу, отвращение захлёстывало, заставляло отворачиваться, отталкивать, всячески избегать контакта.

Мать, пережив развод, обвинив во всех бедах дочь, совсем взбеленилась, захотела поскорее сбыть девушку с рук, а та даже мысли о близких отношениях не допускала, хотя выбор выпадал неплохой. На голову Эли посыпались обвинения в разладе семейных отношений, во вмешательстве в личную жизнь старших – мол, эгоистка, не даёт возможно-

сти выйти матери в третий раз замуж. Девушка сносила всё, но однажды родительница бросила недотроге в лицо:

– Порченная ты! На тебя ни у кого никогда не встанет! А если зацепит кто, выберешь наконец жениха по вкусу – он тебя перед алтарём бросит, в первую же брачную ночь сбежит. Не увидите больше никогда. Обманет! Вот тебе моё слово!

Девушка онемела от ужаса, возмутилась такой злобой, впоследствии закрылась от мужчин ещё сильнее.

– Зачем они, если с ними плохо, а брошенные женщины сатанеют до того, что забывают своих детей? – рассуждала Эля. – Лучше не начинать вовсе!

Но всё же в самой глубине души, вопреки всему, она жаждала любви, ждала, верила. Жизнь проходила мимо, держа её на обочине, в стороне. Ей предлагали поцелуи, ухаживания, секс, но всё не то, всё не с теми. Вот и сейчас приходилось, как всегда, по привычке избегать отношений, а Ринка в номере не теряет времени даром, пользуется свободой. Счастливая!

Стряхнув грустные воспоминания, Эля вздрогнула от ощущения постороннего присутствия.

6. Она. Впервые

Покачиваясь от выпитого, Олег стоял сбоку, изучая грустное лицо Эльги. Она ярко вспыхнула от наглой бесцеремонности.

– Чего жмёшься бездомной кошкой? – пророкотало над ухом.

Девушка неопределённо пожала плечами. Парень нарочито медленно подошёл к её двери, дёрнул за ручку, затем пошловато заулыбался, потянул Элю к себе в комнату.

– Пойдём! У меня никого нет. Я не трону. Переждёшь. Посидим. Музыка послушаем. Давай соглашайся!

– Нет! – не осмелилась она. – Ночь на дворе.

Мимо прошли ребята, поглядывая, как Олег уламывает новенькую, пряча понимающие улыбки, подкололи Эльгу:

– Не верь ему! Обманет! Пошли лучше с нами!

Дверь комнаты распахнулась, выпустив Косту с Риной. Соседка поманила девушку домой. Олег ввалился следом, уселся хозяином в кресло.

– Запомнила меня? Я – Олег Серёгин. Самый большой баламут да пьяница на складах. Обо мне ещё порасскажут, у кого ни спросишь. Говорил же тебе уже!

Ей стало неловко под пристальным взглядом гостя, она ускользнула на кухню. Скрывая смущение, поставила греться чайник. Он поспешно вскочил, не желая оставаться в оди-

ночестве, двинулся следом. Там, притиснув к раковине на-
прягшуюся фигурку, прижал к себе. У Эли перехватило ды-
хание, она задрожала. Это была не та привычная дрожь от-
вращения, пробирающая каждый раз при столь плотном кон-
такте с чужаками. В этот раз чувствовалось нечто другое.
Прикосновение мужской груди вызывало приятные ощущение.
Жар его тела сквозь тонкую ткань блузки обжигал, твёр-
дость натренированных мышц волновала до самых глубин,
посылая положительные импульсы по всей коже.

– Что затрепетала? – шёпотом спросил парень, удивлённо
подняв светлые брови, и тут же ответил сам: – О! Я знаю,
отчего тебя трясёт!

– Не ври! Ничего ты не знаешь! Просто неудобно стоять, –
попыталась оправдаться Эля.

– Да ну! – усмехаясь, заулыбался в ответ Олег.

Это её возмутило, пойманной птицей рванулась из рук
осмелевшего гостя, но тот сумел удержать.

– Пусти, синяки будут, – взмолилась девушка.

Парень ослабил хватку, доверительно посоветовал:

– Ты не сопротивляйся!

Задумчиво добавил:

– Почему у вас у всех синяки от моих рук? Вроде не силь-
но беру, а всегда пищите.

– Кто это все? Почему всегда? – огрызнулась Эльга, про-
буя освободиться.

Олег уже не слушал, пристально следя за движениями

губ, – казалось, не мог оторвать взгляда. Он настойчиво привлёк её к себе, придерживая за затылок одной рукой, потянулся к лицу. Они почти соприкасались, порывистое дыхание молодого человека смешивалось с учащённым дыханием Эли.

В какой-то момент ей захотелось вывернуться, оттолкнуть, привычно оказать сопротивление, хотя возбуждённый рассудок стал противиться отлаженной манере поведения: «Отчего бы не попробовать? Он не противный! Я хочу ласки этого brutального мужчины. Не беря в расчёт отчима, ко мне ни разу никто не прикасался, а ведь давно пора. В двадцать семь лет необходимо попробовать вкус желанного поцелуя. Если накроет волной непереносимого отвращения, тогда можно прерваться. Надо дать себе шанс изведать эффект единого дыхания при слиянии губ. Вдруг больше не возникнет такой возможности. Пусть свершится положенное с этим пьяным, наглым парнем, у которого такие невероятно сильные руки, такое магическое притяжение».

Дикая, необузданная потребность испытать неизведанное поразила Эльгу. Расслабившись, она подставила своё лицо. Парень, пробуя, нежно провёл языком по её губам, затем осторожно раздвинул их, плотно прижался своим ртом. От нахлынувшей кутерьмы чувств Эля тихо застонала. Ободрённый явным знаком расположения, он опустил руки с затылка на плечи, сильнее притискиваясь к ней бёдрами. Девушку бросило в жар, тело раздирало от неизведанных

чувств и ощущений, о существовании которых она никогда не догадывалась. Язык Олега уверенно хозяйничал у неё между зубами, заигрывал, изучал, осваивая новую территорию. Запах парня с привкусом мятного ликёра да сигарет будоражил Элю. В его объятиях девушка чувствовала себя нужной, надёжно защищённой, как в парке во время танца.

Разорвав поцелуй, Олег дал возможность отдышаться, вновь завладел губами, рукой непринуждённо соскользнул за разрез блузки. Эльгу это испугало, она легонько оттолкнулась.

– Всё! Хватит! – с усилием приказала ему. И себе тоже.

Олег не согласился, отпущенного удовольствия не хватило. Рухнув с высоты своего роста на табурет, Серёгин притянул объект желания на колени, вдавил в себя одной рукой, другой же проскользнул под юбку. К такому повороту Эля совсем не готовилась, попыталась выскользнуть, отстраниться. Ёрзая, извиваясь на его коленях, она постаралась ускользнуть от смущающей атаки, но это заводило Олега сильнее, что Эльга явственно ощущала, ещё больше робея. Она осознавала, что он входит во вкус, зажигается, поддразнивая, играясь с ней, будто с котёнком, вглядываясь ей в лицо серыми, искрящимися глазами, изучает её реакцию.

Неожиданно парень дурашливо, по—девчачьи захлопав ресницами, с наигранной невинностью спросил:

– Ты что, стесняешься своих ног?

– Ну нет! Ног я не стесняюсь, – возмутилась девушка,

упрямо отводя тревожащие руки. – Ну не получится, чтоб всё сразу: и ноги, и грудь, и губы. Надо выбирать.

– Получится! – нахально ухмыльнулся парень, откинул её тело себе на локоть, наклонился, вновь впиваясь губами.

Поцелуи становились длительнее, настойчивее, требовательнее, прожигали Эльгу страстью, напрочь лишая сил. Закипевший чайник частично привёл девушку в чувство, заставил вырваться из соблазнительных оков.

Выключив плиту, Эля, собрав остатки воли, твёрдо заявила:

– Всё! Уходи! Нам нужно спать!

Олег недоверчиво уставился на девчонку, затем уязвлённый отошёл к окну, открыв форточку, нервно закурил, не обращая внимания на возражения. Отказ задел.

– Хорошо, – коварно улыбнулся лишь уголками губ. – Ты ляжешь – уйду.

Потоптавшись в растерянности, Эльга поняла: парень действительно не уйдёт, не уговоришь его, не выгонишь. Возможно, хитростью получится успокоить, добиться желаемого. Махнув на стеснительность, разделась за распахнутыми дверцами шкафа, натянула сорочку, юркнула под простыни, сбросив на стул покрывало.

– Уходи! Я сплю!

Олег повернулся. Эля, смущённая настойчивым взглядом, почувствовала себя бесстыдно обнажённой под тонкой тканью, повторяющей очертания её фигуры, стыдливо при-

крыла глаза. Звук медленно приближающихся шагов заставлял нервничать. Мгновенно скинув обувь, Олег растянулся рядом. Девчонка забарахталась, завозила. Надо же так, попалась дурёхой в собственные сети! Серёгин, подсунув руку под простыни, с наслаждением стал оглаживать кожу, щекотать, вводя в состояние странной невесомости. Как же до смешного неловко получилось! Хотелось возмутиться, послать вон, но не могла, тело пело, откликаясь на прикосновения. Сопrotивляясь, отбивала настырное наступление похотливых пальцев, тем сильнее заводила соперника. Всё переросло в шутовую детскую борьбу за победу. Олег навалился на неё всем телом, кровь закипала в венах. Захватив обе её руки в свои большие ладони, завёл за голову. Беспомощная, обездвиженная Эльга замерла, силясь справиться с бурей противоречивых чувств, бушующих в сердце, которое едва не выскакивало из груди.

– Лежи тихо, – прошептали губы парня ей на ухо. – Не двигайся.

Потемневшие от желания глаза Серёгина поработали. Порочно улыбаясь, он наслаждался обретенной властью. Эля чувствовала силу кожей, впитывала его состояние, эмоции. Из-за новизны ощущений исчез контроль над происходящим. Вторая рука Олега стиснула подбородок, губы нашли рот девушки, почти жёстко завладели им. Эльга испытывала необыкновенно приятное состояние, всё тело ликовало в наслаждении от контакта, напора мужской мощи. Страх ушёл,

отвращения не возникало, только желание как можно больше длить это чувство близости к нему.

Оборвав поцелуй, парень отстранился, бесстрастно наблюдая, как она пытается отдышаться. Почувствовав слабость, девушка обрела возможность думать, упрямо возобновила борьбу, сильнее принялась извиваться, увёртываться. Игра не закончилась! Иногда, когда казалось, что теряет силы, Эля шутливо грозила:

– Смотри! Рину позову! – Сонное дыхание соседки слышалось из-за шкафа.

– Ты что, больная? – нарочито пугался Олег, покручивая пальцем у виска, затем с ббольшим упорством шёл в наступление, пробуя сорвать одежду со строптивицы.

Наконец ему удалось забраться под сорочку, тёплые пальцы обхватили не знавшую чужих прикосновений грудь.

– Упругие, небольшие, будто нераспустившиеся бутоны, – выдохнул он, растягивая слова, делясь своими ощущениями. – Приятно!

Щёки Эльги расцвели маковым цветом. Никто никогда не трогал её так, не обсуждал части тела при ней. Стало неловко. Вновь попыталась вырваться, но Серёгин, не прерывая ласки, шептал, внушая пленнице:

– Тихо! Ведь тебе тоже приятно! Они у тебя такие нежные! – и теребил, гладил, мял упругие выпуклости.

Пытаясь расширить доступ, парень рванул ворот сорочки, тонкая материя расплзлась.

– Тебя что, тянет туда? – недоверчиво произнесла девушка, пытаясь привести себя в порядок.

– Каждого мужчину туда тянет, так заведено, – ухмыльнулся Серёгин, довольный тем, что ему сошла с рук разорванная сорочка, а потом, нагло в шурясь, приказал лукаво улыбающейся Эле: – Раздевайся! Я люблю совсем голых женщин, – и замер, прикрыв глаза, в ожидании ответной реакции на такое явное нахальство.

Девушка захлебнулась от возмущения, округлила глаза, хотела грубо одёрнуть, но внезапно тихо рассмеялась. Поощрённый этим Олег вошёл в раж, удвоив напор. Некоторое время спустя ему удалось сломить игривое сопротивление. Она лежала раздетой в его руках. Он рассматривал миниатюрную фигурку в свете фонаря, пробивающегося сквозь незашторенные окна, гладил матовую кожу, целовал губы, руки, плечи, шею, задыхаясь от нежности, какого-то неземного восхищения, прокладывая дорожки из поцелуев по девственно белой груди, животу, бёдрам. Эльга, замерев, тихо лежала, впитывая каждой своей клеточкой неизведанные ощущения, млея от восторга.

В какой-то момент парень вскочил с кровати, в одну секунду сам освободился от одежды, про которую Эля забыла думать в пылу борьбы, плотно прижался к её прохладной коже. Нежно, интимно, захватывающе, интригуяще он покорял, постоянно наращивая интенсивность ласк. Эльга не совсем потерялась в захлестнувшем водовороте ощущений.

Хоть покровы спали, тайна разгадана, обнажилось не только тело, но и душа Эльги, всё же последний аккорд ещё не сыгран. Девушка считала себя неготовой покориться, полностью отдалась, и когда руки соблазнителя подобрались к центру женственности, она зажалась, неожиданно ловко увернулась, перекатившись набок, застенчиво затянулась простыней. Олег попытался повторно использовать силу, нейтрализовав руки, бунтарка метнулась коброй, укусив за щёку.

– Ты явно больная! – с досадой, обиженно воскликнул парень, выпуская Птаху из западни рук.

Эльге неожиданно стало жалко большого глупого мальчишку, который не желал понять, как трудно перебороть сомнения, ввериться без остатка чужому мужчине, хоть тот и волнует её кровь, завладел помыслами. Всё равно он ничего не знает о ней, она – о нём. Творится какое-то безумие, вакханалия, безудержное, ни на чём не основанное влечение друг к другу. Она всегда свято верила в любовь. Происходившее сейчас не вписывалось ни в какие рамки представлений об этом. На первом этапе отношений не ведут себя так откровенно.

Видя, с каким недоумением Олег трёт пострадавшую щёку, девушка в порыве раскаяния, приподнявшись, стала зализывать укушенное место, покрывать лёгкими, воздушными поцелуями. Серёгин, только что обиженно сопевший, не дыша замер, отдавшись её губам. Эльга наслаждалась властью, чувствуя свою необходимость для этого великовоз-

растного ребёнка, щедро дарила ему радость, счастье, блаженство своей первой ласки. Затем, скинув с себя простыню, обнажённая прошла к столу, порывшись в коробке, вытащила тюбик с мазью, вернулась, постоянно ощущая кожей его пристальный взгляд. Выдавив на руку каплю приятно пахнущего средства, осторожно провела по щеке, обрабатывая пострадавший участок.

– Завтра ничего не будет. Не обижайся. Не хотела. Ты тоже руки не распускай очень! Мне кажется, мы потеряли голову, слишком много себе позволили. Не буду я сегодня твоей. – Её голос обволакивал, околдовывал.

– Сегодня не будешь? А потом? – уцепился за слово Серёгин.

– Потом, может, буду, а пока нет, – задумчиво ответила Эля.

– Почему? – Сказанное интриговало.

– Не хочу. – Стрельнула озорно глазами. – А что, если я девочка?

Олег недоверчиво хмыкнул.

– Не ври! Не верю! Сейчас девочек после пятнадцати не бывает. Не уродка ведь! Парни на дыбы встали, когда приехала.

Эльга отвернулась, страдальчески свела брови, сглотнула комок, который некстати возник в горле, горько прошептала:

– Не поймёт! Такие разве понимают, что в природе ещё существуют снегурочки-дурочки, которых воротит от физио-

логии без чувств, которые до последнего ждут любви. Им необходимо, чтоб их отогрели. Они никогда не забывают, кем были разбужены, навсегда поселяют их в своём сердце. Началась моя оттепель, я таю! Такое никогда не осмыслить закрытой душе. Нет ничьей вины, что раньше не сумели разморозить. Мне суждено навек запомнить этого упрянца.

– Что ты там бубнишь? Наговор творишь? Можешь колдовать?

Эля, искоса бросив взгляд на Серёгина, кривовато усмехаясь, с издёвкой подколола:

– Так и не поверил в сказку о девственности? А ведь мог первым стать!

Небрежным движением руки Олег отмахнулся от загадочных слов, подхватил девушку за талию, увлёк на кровать, уложив на груди, с новой силой принялся ласкать, наслаждаясь свежестью кожи, мягкостью волос, сладостью губ. К утру, устав от борьбы, он понял, что новенькую сегодня не пережить – не его день.

Эльга, уставшая, со слипающимися глазами, пробормотала ему в ухо:

– Я устала! Сплю! За окном рассвело. Хоть пару часов подремать. Иди уже! Пора.

Парень неохотно поднялся. Эля сквозь ресницы наблюдала, как он одевается, с сожалением поглядывая на неё, уютно свернувшуюся клубком под простынкой, тихо идёт к дверям, исчезает. Теперь можно расслабиться, позволить себе

заснуть.

7. Он. Проба

После ночных бдений Олег без сна лежал в номере. Ещё вчера вечером не поверил бы, что такое может произойти – он будет держать в руках гордую москвичку. Парень почти взял Птаху! Немного осталось. Хватило же ему нахальства заловить её!

Олег посмел сравнить девчонку с кошкой, позвал к себе! Не пошла, трусиха, испугалась. Тогда он вломился к ней, потеряв всякий контроль, его влекло туда со страшной силой. Парень глуповато отрекомендовался, словно хуже него в общаге никого нет, ранее между ними проскакивало нечто подобное. Она совсем запаниковала, решила спрятаться на кухне, вот тут-то у Серёгина получилось поймать птичку в свои сети, в итоге сам оказался на крючке. Эльга невероятно притягивала. Олег не хотел, чтоб девушка боялась, отгораживалась, стеснялась, однако его самого трясло нехило. Дурацкая бесцеремонность в поведении вытекала из этого. Выпитое пиво придавало смелости, уверенности, чтоб держаться бывалым плейбоем.

Едва Ринка ретировалась, решив не встречать в их противостояние, он совсем слетел с катушек. Все чувства обострились. Парень ощущал трепет худенького тела, птицей рвущегося из сцепленных рук. Серёгин крепко прижимал Элю к себе, по нему разлилась волной уже знакомая энергия, распро-

страняясь по сосудам, затапливая, распирая до боли сердце. Почудилось, если замешкаться, чуть ослабить хватку – мечта выпорхнет, улетит навсегда.

Он разглядывал каждую чётточку, каждую морщинку на лице девушки, её глаза сверкали зелёными молниями, изящно выточенные губы манили свежестью.

Внезапно ситуация поменялась, вместо ожидаемого сопротивления она поддалась. Хмель от близости к ней вытеснил пивную сумятицу. Душа наполнилась предвкушением чуда. Нереальность происходящего поглотила Серёгина, когда своим ртом он накрыл горячие губы Птахи. Дальше всё происходило на уровне инстинктов, очарованно тянулся руками к груди, к тайне, скрытой под покровом тонкой юбочной ткани, жаждал прикоснуться к шелковистой коже стройных ног, а девушка, дразня, отбивалась.

Олег наблюдал, как поцелуй превращает зелёные искры глаз Эльги в полыхающее жаркое пламя, остро ощущал необходимость почувствовать рядом девичье тело, видел, как дрожь возбуждения пульсирует рядами между ними. Серёгин хотел её, хотел безумно всю, без остатка. Парню не терпелось увидеть девушку расслабленной в своих руках, доверившейся ему, чтоб исчезли преграды и ничто не смогло бы разъединить слияния их тел. Борьба малышки захватывала, манила. Она смеялась, будто играла в какую-то нелепую игру. Для него же всё оборачивалось куда серьёзней!

Когда Эля неожиданно погнала его, разочарование накры-

ло с головой. Серёгин уйти не смог, растерял возле неё все прочие желания, утратил волю, пошёл против своих правил, действуя без её согласия. Восстанавливая контроль, он закурил в комнате в открытую форточку, дрожащими пальцами еле удерживая сигарету.

А дальше время понеслось вскачь, не осталось возможности о чём-либо подумать. В глазах стояла только она, ускользающая и завлекающая, отбивающаяся и поддающаяся, нападающая и отгораживающаяся, застенчивая и смелая, слабая и сильная, но всегда нежная и прекрасная. Девушка сдалась на его милость, доверилась силе, подчинилась рукам, предстала пред ним открытой, беззащитной, обнажённой. Невероятное блаженство – наслаждаться видом хрупкой точёной фигурки в свете луны, делающем желанную нереальной, сотканной из призрачных лучей, ощущать её близость каждой клеточкой тела! Пускай не свершилось, дальше интимных ласк дело не пошло, что-то мешало Птахе переступить последнюю черту, Олег смирился в надежде на будущее.

Эльгиной сказочке про девственность не поверил, отмахнулся. В этом он тёртый калач! Убедившись, что выдумка не испугала, не тронула, Эля перестала дурачиться, более не возвращалась к скользкой теме. Можно считать – проверка пройдена! Манера девчонки держаться, её способность справляться одним взглядом с особенно назойливыми хахалами восхищала. Она подпустила только его, и никого бо-

лее! Да, она королева, ей нужен король, Олег же обыкновенный технарь. Вот кокетка и пытается морочить голову всякой чушью! С такой внешностью в таком возрасте девственниц не бывает. Не стоило ей пробовать. Они взрослые люди, отдающие себе отчёт в действиях. Он не насильник, подождёт, когда девушка будет готова.

Под утро вымотанный до предела гость понял: если сейчас хоть на секунду больше пробудет возле неё, то не сдержится, не выполнит обещания, не сможет уйти, не овладев этой принцессой. Сердце то бухало в груди молотом, то вдруг совсем переставало биться от нахлынувших ощущений. Судорога долгого сдерживания начинала скручивать мышцы. Эльга уже почти спала, не открывала глаз от усталости, гнала вон. Он ушёл, одурманенный сложной гаммой чувств, неистово бушующих в груди.

Когда шёл по коридору, хотелось плакать и смеяться одновременно.

«Хороша! – подзадоривал он себя. – Почти моя! Чудака дразнится! Ведь не убудет от неё, до тела же допустила, только потом струсила. Такой кайф обломала, всё удовольствие испортила! Не поймёшь этих баб! Сказки сочиняют. Фантазёрка! А кто теперь мою боль уймёт? И всё же выбор пал на меня! Почему? Чьё это решение? Может, тоже моё?»

Вопрошающим рёвом парня встретили в номере, где друзья в ожидании провели всю ночь. Губы непроизвольно растянуло улыбкой.

– Ну как она?

Олег неопределённо пожал плечами, пальцами показал, что всё на уровне, и, ни слова не говоря, устало лёг на кровать.

– И что в тебе бабы находят? – завистливо спросил Валька.

– А в тебе не находят? Тайка-то с тобой, – отмахнутся Серёгин, закрывая глаза.

8. Она. Сомнения

Воскресным утром Эльга, окончательно ещё не проснувшаяся, лежала в постели под смятой простынёй, лениво размышляя о событиях прошедшей ночи. Эпизоды разорванной чередой проплывали перед её мысленным взором. Новые впечатления пробирали до дрожи. Смесь эмоциональных ощущений пугала и манила одновременно. Было до жути стыдно, неудобно, но необычайно хорошо, прямо чудесно. Однако как поднять глаза после всего случившегося на кого-либо в общезнании? Сумеет ли? Про разговоры да сплетни вообще думать не хотелось. Какую линию поведения избрать, чтоб не уронить достоинство? Эля знала специфику жизни в ограниченных пространствах. Всё сознательное детство провела в войсковых частях. Вставать не тянуло.

Громкий стук в дверь стряхнул остатки сна. Жизнь требовала подчиниться заведённому ритму. Выходной день неожиданно превратился в приёмный для мужского населения общаги. Парни шли под выдуманскими предлогами, вовлекали в разговор, о чём-то говорили, рассказывали, спрашивали. Девушка рассеянно слушала, кутаясь в халатик. Кто-то использовал непристойные выражения в беседе – таких она останавливала взглядом, это было у неё в крови. Суета помогла справиться с неуверенностью, Эля вскоре сориентировалась в особенностях предлагаемых обстоятельств.

Олег момент не упустил, влился в общий поток визитёров. На виду у всех он казался неестественно оживлённым, болтливым, громко смеялся, пытался говорить пошлости. Девушка укорила его пристальным взглядом – зубоскалить тому расхотелось. Эльгу чем-то тревожила складывающаяся ситуация, причина беспокойства не определялась, мысль не сформировывалась. Устав от пристального внимания, каверзных реплик, Эля попыталась укрыться в кухне.

Олег прошёл следом. Сильные руки сомкнулись вокруг талии, губы начали творить магию, мурашки побежали по спине, блаженство окутало тело. Не хватало сил вырваться, соблазнительный запах томил, ласки околдовывали. Ей нравились прикосновения, опасно нравились; не укладывалось в голове, как после столько лет отрицания, непереносимости посторонних касаний бывшая недотрога обрела способность ощущать столь сильное удовольствие. Исчезновение психологических барьеров, запретов являлось нереальным прорывом. Девчонка не уставала подставлять полуоткрытые губы под поцелуи Олега, не могла насытиться чарующей нежностью.

Мысль о присутствии посторонних в комнате отрезвила Эльгу. Кое-как выбравшись из рук парня, девушка поспешила выйти к гостям после достаточно продолжительного уединения. Некоторые выходили, кто-то входил, наверняка их слившиеся фигуры видели многие. Олег потянул на кровать, окончательно смутив открытостью намерений, затеял

возню, она привычно отбивалась, потом, устав, в отчаянии взмолилась:

– Уберите его с моей постели! Ну кто-нибудь!

Реплика понравилась, вызвала смешок.

Ребята проявили милосердие, постепенно ретировались. Олег, оставшись с ней наедине, поймал за халатик, привлёк к груди. Женское упрямство восстало против мужского упорства, Эле вновь пришлось прибегнуть к хитрости:

– Я устала! Из-за тебя ночью не выспалась, вечером дискотека. Давай поспим вместе, рядышком! Не шевелись! Засыпай! – внушала плутовка парню.

Ласковые руки приятеля, а особенно губы девчонку, бесспорно, очаровывали, но некоторая странность в массовом приходе мужчин настораживала, именно это тревожило её весь день – развитие событий походило на спор, где она выбрана ставкой. А может, здесь такие правила? Серёгин так заявляет права на неё? В происходящем стоило разобраться, не хотелось усугублять ситуацию. Днём светиться не следовало, неизвестность останавливала. Она чего-то боялась, всё казалось очень хрупким. В душе зарождалось нечто нежное, неизведанное; Эля не желала, чтоб это «нечто» изничтожалось недобрыми взглядами, пачкалось злобными речами, подвергалось осмеянию. Эльга чувствовала опасность, как поднятая с гнезда птица при взлёте предчувствует выстрел, находясь на мушке. Откуда ждать притаившейся беды, оставалось загадкой. Сумятица чувств, отсутствие времени

не давали возможности проанализировать происходящее.

«Лучше обождать», – твердила она себе, вглядываясь в спокойное лицо Олега, который, вняв уговорам, по-детски тихо уснул рядом.

Лёжа под руками этого несносного парня, девушка не двигалась, опасаясь спугнуть беспокойный сон, размышляя об удивительных странностях, когда за одну ночь малознакомый, посторонний человек неожиданно обосновался в сердце, стал дорогим.

Время текло, она тихо соскользнула с постели, подошла к зеркалу – отражение ужаснуло. Помятое бледное лицо с красными раздражёнными пятнами, лихорадочный блеск глаз, всклоченные волосы ввели в шок. Необходимость спасти ситуацию подстегнула к действиям. Плеснула холодной водой на кожу, заколола пучок, тронула тушью ресницы, помадой придала жизни губам, переделась в любимое платье, повертелась туда-сюда, довольная оглянулась на Серёгина. Олег пристально наблюдал за действиями Птахи из-под полуопущенных ресниц.

Эльга застенчиво улыбнулась парню, тот молча продолжал её разглядывать. От смущения в голову полезли несуразные мысли: «Наверное, протрезвел. Под градусами все красавицами кажутся. Сейчас жалеет, что не с той связался».

Смягчая неловкость положения, спросила невпопад:
– Проснулся? Слышала, некоторые тебя Кузнецом называют? Почему, скажи-ка? Ты же Серёгин!

Парень неохотно разомкнул губы:

– Заметила, значит. Кличкой с первого года наградили. Одной детали не хватало для прибора, пришлось выкручиваться, переделывать из доступного материала, подгонять. Нагрел на огне, придал форму, отбил. Удачно вышло. С тех пор Кузнецом величают.

– Кузнец, Кузнец, Кузнечик, – пропела девчонка, смешно морща губы.

– В Кузнечика ещё не превращали, – насупился Олег, поднимаясь с постели. – Ты же Ренкова? Тебя не обзывают Гренкой или Пилюлькой какой из-за профессии. Так что давай учитывать пожелания друг друга.

Пожав плечами на неожиданный выпад, Эля в замешательстве отвернулась. В дверь номера, коротко стукнув, ввалился Валя – сосед Олега, якобы в поисках друга, таща под мышкой магнитофон.

Поставили чай, врубили музыку. Симпатичную мордашку Вальки портил неподвижный взгляд исподлобья – это беспокоило Эльгу, в нём сквозило что-то затаённое, невысказанное, чувствовалось опасное желание, проникнув в голову, считывать мысли собеседника.

Даже если гость неприятен, выставлять того без причины оскорбительно. Валентин предложил размяться. Чуть попрыгали под музыку, Эльга двигалась неплохо, увлекалась ритмикой. Олег отказался от разминки, в его поведении проявилось напряжение, развязность исчезла, уступив место на-

стороженности. Когда полилась медленная мелодия, Серёгин не пошевелился, продолжил наблюдение, даже не попытался пригласить ту, которую так упорно добивался в течение суток. Девушка неловко замялась – танцевать в одиночестве в приватной обстановке, под чувственную музыку, в компании малознакомого человека не доставляло удовольствия.

«Он мстит за „Кузнечика“?» – заметалась в догадках. Неодобрительно взглянув на непонятливого партнёра, с которым менее получаса назад делила подушку, Эля качнулась в объятия подсуетившегося Валентина. Тот привлёк Эльгу к себе, обняв, осторожно повёл в танце. Гордячка с независимым видом вскинула голову, подстроилась под ритм. Ощущая испытывающий взгляд Олега, сглотнула обиду, обречённо решив: «Тут совсем не чисто. Правильны ли мои ходы? Не обыграют ли меня эти хитрецы? Веду себя как параноик! Может, всё по-честному, просто я успела разонравиться? Банально звучит! Что же происходит? Он даёт меня в займы другу, будто вещь. Как поступить? Я не подчинюсь, пешкой ни в чьих играх не буду. Неужели закралась ошибка. Магия между нами лишь почудилась?»

Вскоре ребята ушли на перекур, встретиться решили на дискотеке. Девчонки засобирались.

9. Он. Распознавание

Олег шёл в клуб в полной прострации, не в состоянии разобраться в возникших за прошедшие сутки жизненных перипетиях. Воскресным утром парня разбудила какая-то суматоха. Валька, неприязненно посмотрев в сонное лицо соседа, ехидно усмехнулся:

– Проспал ты, батенька, безбожно проспал! Пацаны поваляли к москвичке. Прощупать почву хотят.

Серёгина ветром сдуло с койки. «Дуралеи всё испортят, две недели я не мог к ней подступиться. Не то чтоб она сильно уж зацепила, есть же Ветка! Ох! Совсем забыл про неё. Но Эльга... Какое же звучное имя, незабываемое имя! Чем же она меня взяла?»

Ночное приключение развлечением не казалось, возникло желание постоянно видеть Элю, она притягивала. Серёгин, почувствовав встречный отклик, идущий от партнёрши, неожиданно ощутил её частью себя. Ошеломлённый, испуганный сошедшим откровением, парень запаниковал. Хоть намеренно выставлять свои победы на всеобщее обозрение желания не имел, но и оставить девушку один на один с толпой мужиков не мог, странная сопричастность ко всему, кающемуся москвички, не давала на это права.

Похмелье от выпитого вечером, а может, от общения с новой жиличкой окончательно не выветрилось, усталому телу

требовались еда и сон, однако тревога понесла молодого человека в комнату Эльги. Визитёров набилась тьма, они переговаривались о том о сём с Риной, бросая вопросительные взгляды на молчащую соседку, пытались втянуть её в разговор. Девушка отвечала неохотно, односложно, под столь пристальным вниманием Птаха явно ощущала дискомфорт.

Обвиняя себя во всём, злой до безобразия Олег неуклюже попробовал перевести стрелки на себя, глупо нёс какую-то жуткую ересь, громко смеялся, ёрничал, вставляя ненормативные словечки, как принято в мастерской. Эля напряглась сильнее, отгородилась невидимой стеной, перестала замечать суету рядом, с холодной безучастностью справлялась со всеми заигрываниями, приставаниями. Его неудачная помощь только выбивала новенькую из колеи, создавая вокруг завихрения нервозности.

В какой-то момент, устав обороняться, Эльга скрылась в кухне. Смятение потянуло за ней, в замкнутом пространстве закутка, не найдя слов, не видя другого способа поддержать, Олег сразу же закольцевал девичий стан руками, припал к губам, чувствуя, как напряжение оставляет хрупкое тело. Окружающий мир исчез, тишина поглотила обоих, не было сил оторваться. Они вдыхали друг друга, она доверчиво подставляла губы, крепче прижимаясь к нему. Усилившийся гул голосов из комнаты вернул к реальности.

Серёгин прижался разгорячённым лбом к прохладной кафельной стене, с ликованием прошептал закипающему чай-

нику:

– У нас всё сладится, Эльга будет моей!

Он не мог, не хотел ничего скрывать, свидетели, наблюдавшие поцелуй, стали безразличны. Выйдя вслед за хозяйкой из-за занавеси, Олег ухватил за девичий локоток, притягивая ближе, увлекая на кровать, тем самым закрепляя за собой право на новенькую. Но девушка, недавно такая податливая, неожиданно заартачилась, ей не хотелось ни рук, ни намёков на близость при других, она скрывала чувства, не отваживалась признать свой выбор, отрицала возникшее притяжение. Серёгина бесило глупое девчоночье упрямство, но перебороть девушку не удавалось, та гнала прочь. Пацаны посмеивались. Вместо ожидаемого триумфа Олег, отвергаемый прилюдно, испытал унижение. Парни вскоре ретировались, поняв неуместность присутствия. Эльга сразу переменялась, стала сговорчивой, позволила уложить себя на покрывало, хотя ночными играми отказалась заняться.

Олегу не терпелось вновь ощутить тепло желанного тела, но у строптивицы появились другие планы. Её губы, руки, убаюкивая, ласкали, голос тихо увещевал, прикосновения кружили голову, расслабляли, он тонул в тихой музыке слов. Неожиданно для себя, разомлев от дарованной неги, от усталости бессонной ночи, парень уснул. Очнулся в липком ужасе от леденящего одиночества, прокравшегося к сердцу. Эля, ускользнув из объятий, стояла перед зеркалом, удручённо разглядывала отражение. Затаившись, поражённый Серёгин

наблюдал, как испуганная, хрупкая малышка путём нехитрых манипуляций неуловимо превращается в неприступную, прекрасную бунтарку с решительным, гордым взглядом. Метаморфоза поразила до оторопи, она что-то спрашивала, он отвечал механически.

Потом Валька приволок магнитофон, затеял ненужные танцульки, вовлёл соседок, а Олег безвольно сидел, смотрел на их хаотичное мелькание. Отрезвила ревность, пришло осознание, что сосед, непринуждённо отодвинув его, обжимается с девочкой, которую он целовался всю ночь напролёт. Выиграла ярость, Птаха приняла стороннее приглашение на танец, отвергла право первого. Последние аккорды умолкли, парень, буркнув о необходимости перекура и желании собраться на дискач, подхватив Вальку с его неуместной музыкой, бросился вон из комнаты, лишь бы Эльга не заметила гневного возмущения.

У себя в номере Серёгин набросился на друга:

– Ты чего над ней навис? У тебя Тая!

– А у кого-то Вета! Запутался совсем с девчонкой? Что злишься? Я тоже не против испытать судьбу. Тайке ничего не обещано, после Нового года она отвалит – «свобода воссияет». Почему не попытаться? Мне тоже москвичка по душе пришлась. Вот зачем ты суетишься – загадка. Отчаливаешь же вместе с Таисией. Стоит ли начинать, чего не сможешь закончить? Не морочь никому голову!

Олег скрипнул зубами, надвигаясь на Валентина.

– Тихо, тихо, Ромео! Хорошо, могу подождать. Но с кем остаться, новенькая решит сама. Порода чувствуется. Если выберет тебя, то ладно. Пожелает другого – тебе придётся смириться. Тут из-за тёлочек лбами не сшибаются, прекрасно знаешь.

Сдерживая гнев, Серёгин сжал кулаки, собрался с мыслями. Размышления успокаивали: «Валька прав: ни потасовками, ни глоткой не поможешь. Эльга чётко ставит всех на место. У меня действительно есть Вета, с этим ничего не поделаешь. Сейчас некого винить, прозевал пригласить, хотя видел призывный блеск глаз кокетки в свою сторону. Да, мы целовались, да ещё как целовались, но это не повод москвичке бросаться на шею мужчине. Наверное, у неё своё мнение на ночное приключение».

Олега разбирала досада, изматывала неопределённость, сомнения сжигали.

«Как поступить? Что предпринять? Надо бы на дискотеке сразу отсеять девчонку от всех! А как засвоевольничает, не пойдёт за мной, вновь прилюдно оттолкнёт, охолонит, отбросит в ряды прочих? Нет, я для неё не прочий! Нерешительность – не мой конёк. Впервые не знаю, как поступить с бабой. Ладно, время покажет, потом посмотрим!»

Идти на дискач парню совсем не хотелось, но там должна появиться она – чем не повод окончательно обнародовать права на Эльгу. Грудь сжимало нехорошее предчувствие, чересчур большое внимание привлекает новенькая, слишком

отличается от всех. Вокруг их отношений возникло много назойливой суеты. Неизвестна реакция Эли на его подругу – сомнений нет, ей донесут, правда выльется наружу. Необходимо выкроить время, признаться самому. Скорее бы дискач закончился! Наедине, в объятиях друг друга легче раскрыться. Всё прояснится, она поймёт!

В зале Олег встал отдельно ото всех, около колонны, с независимым видом наблюдая за входом, чтоб она сразу подошла, увидев его.

10. Она. Откровение

Стало смеркаться. Шумной стайкой девчата выпорхнули на улицу. Эльга ощущала себя чужой в их обществе. Девушки щебетали то об одном, то о другом. Эля обратила внимание на незнакомое имя, прозвучавшее вкупе с фамилией Серёгин, прислушалась к шушуканью спутниц – сердце разорвалось на части. Уехавшая в отпуск некая Вета уже год встречалась с Олегом, который без неё совсем задурил, за-тосковал в одиночестве.

Валькина подруга Тая искоса стрельнула взглядом в Эльгу. Той стоило невероятных усилий сохранить спокойствие, выдержать запал любопытства, не дрогнуть, сохранить спокойствие на лице, не погасить улыбку, с кем-то перекидываться репликами, кому-то поддакивать, хотя в голове панически запульсировало: «Вот оно! Пасьянс сложился. Предчувствия сбылись. Оказывается, скука заела бедного, свежачок вовремя подвернулся, никакой магии, никаких чувств, всего лишь временная замена. Как просто! Третья в паре всегда лишняя! Зачем так жестоко? Я же живая!»

В ушах стоял звон бьющегося стекла, мир рушился. Ночью что-то чистое, непорочное, нежное вдруг зародилось в её душе к чужому парню, теперь вот, израненное, страдало, корчилось в муках. Правда мгновенно, безжалостно обрушила призрачные мосты надежд в пропасть.

«Спокойно! Всё обдумаю потом, – твердила она про себя. – Время не пришло! Главное – решить, как держаться, как вести диалог с ним».

Вошли в тёмный коридор. Эля незаметно стряхнула слёзы, некстати набухшие на глазах. Танцевальный зал встретил оглушающим роком. Кое-кто уже отплясывал. Она видела Олега, поджидающего у колонны, холодно блеснула глазами, равнодушно отвернулась, пытаясь вычеркнуть последние сутки из памяти, из жизни, заговаривала боль: «Всё поправимо! Сильно увязнуть, запутаться ещё не смогла. Влюблённости нет! Он даже не нравится, совсем же не красавчик, посмотреть – и вовсе страшный. Меня гораздо лучшие добились, такие же никогда не нравились. Запросто вынырну, забуду о неудаче, о своей оттаявшей душе, его обжигающих поцелуях. Меня не сломить! Я не дам себя разрушить!»

Эльга танцевала с упоением, заглушая ритмичными движениями терзания. Олег не шевелился, прожигая девушку злым, насмешливым взглядом исподлобья. Запустили медленную композицию, парень прирос к колонне.

«Пожалуйста, пусть Кузнечик подойдёт, позовёт, объяснится! Пусть всё станет на места!» – неожиданно вырвалась мольба.

Серёгина качнуло в её направлении; передумав, замер опять. Местные ребята приглашать Элю не торопились, помня обстоятельства утра, – негласно она считалась занятой. Девушку позвал Андрей, с ним вчера возвращалась из горо-

да, с Паркфеста, попрощались только не очень хорошо. Кажется, давно это было. Как один день мог так много вместить в себя?! Кучерявый пришёл на танцы из соседней части, ни о чём не догадываясь. Эльга приняла приглашение. Она свободна! Серёгин должен знать! Связь распалась. Ей никогда не быть игрушкой для развлечения. Андрей вёл нежно, осторожно, Эля с готовностью подчинялась рукам партнёра. Танец за танцем дарила девушка новому ухажёру, избегая смотреть в сторону застывшего Олега.

Обитатели общаги поглядывали на неё с удивлением. По их представлениям, подруга круто стартовала, кадрит Кучерявого, к Кузнецу холодна. Какая же дрянь! Не успела приехать, уже покувыркалась в постели с одним, в танце крутит с другим. На то и москвичка! Этим всё сказано. Принесла же нелёгкая улыбающегося херувимчика с дебильно-восторженной мордахой! Без него охотников хватает!

Осуждение присутствующих буквально коконом опутало девушку, чувствовалось нарастающее негодование местных, подогреваемое нелицеприятными мыслями. Получилось плохо, неловко, но по-другому не выходило. Не дожидаясь окончания вечера, дабы избежать нежелательного развития ситуации, Эля в сопровождении партнёра двинулась к выходу. Отстранённо скользнув взглядом по Олегу, проплыла мимо, выпорхнув в темноту ночи.

Вечер выдался тёплый. Они промелькнули мимо освещённых окон танцзала, скрылись в направлении пустыря.

Эльга наконец смогла перевести дух. Болтовня о пустяках отвлекала от тяжести на сердце, снимала напряжение. Августовская ночь посылала им яркий свет звёзд. Эля смотрела вверх, думая, что если б люди чаще поднимали глаза к небу, сияющему миллиардами созвездий, к этой первозданной красоте, то осталось бы меньше низости с подлостью, чего нахлебалась сегодня с лихвой.

Пара добрела до деревенского паба, Кучерявый заказал пива, она от напитка отказалась, сошлись на солёных орешках. Посидели недолго, домой возвращались через поля, ступая ногами по выпавшей росе. Эле было всё равно, с кем делить время, лишь бы отчаянье не завладело всем её существом. Юноша отвлекал шутками, девчонка, не вникая в смысл, натянуто улыбалась, думая о своём.

Резко остановившись, Андрей отчаянно, будто решившись на нечто очень трудное, притянул Эльгу к себе. Та не отстранилась, поняв намерения молодого человека, её подталкивала к несвойственным поступкам необходимость забыть Олега с его сладкими, зачаровывающими поцелуями, стереть из памяти запах, ласку рук вчерашнего гостя, помянуть нежность одного на мягкость другого, перечеркнуть события прошлой ночи. Разрешив тёплым, по-детски припухлым губам Кучерявого прижаться к своим холодным, Эля ощутила разочарование – поцелуй не обжигал, не возбуждал, показался пресным, совершенно безвкусным, вообще никаким. Недовольная Эльга отстранилась.

«Не то, – сухо подвела итог. – С твёрдыми, упрямыми губами Олега несравнимо. Эти младенческие касания не помогут переключиться, скорее толкнут обратно».

От второй попытки девушка увернулась. Смущённый Андрей проводил спутницу до дверей общаги. Эля не пригласила парня на чай, не обратила внимания на намёки, отвергла прощальное прикосновение, безучастно прошептав об усталости, скрылась за дверями.

В номере она вжалась в стену возле кухни, позволив слезам обиды стекать по щекам вместе с остатками туши на ресницах. Дрожь отчаяния терзала тело. Добравшись до кровати, укуталась в покрывало, хранившее запах её Кузнечика. Хорошо, что Рина ушла на ночь к Сергею в соседний номер.

– Странная, – беззлобно выговаривала девчонка подушке, пытаясь увести мысли в сторону. – Через ночь соседа обслуживает, иногда днём тоже, и в обеденный перерыв с ним же спит, а в свободные вечера солдатика из казармы привечает, время от времени Коста ею пользуется. Как так можно? Ещё умудряется держать любовников в тайне друг от друга! Ловка!

Однажды Ринка, оправдываясь, попыталась объяснить:

– Сергей опытный, с ним хорошо. Антоша молодой, я его обучаю, тот манит новизной, свежестью. Мне опять хорошо. Ну а Коста наскоком берёт, разнообразием. Опять устраивает.

Теория показалась дикой, но не ей женщину судить.

Тишина и полумрак комнаты успокаивающе окутали Элю. Она начала складывать общую картину из обрывочных сведений. Получалось, что из-за временного отсутствия некой Веты, официальной девушки Олега, Эльга превратилась в утешительный приз для парня, в банальное развлечение. Если позволить всему продолжиться, остаться с ним, то непременно увязнет в болезненной ситуации. Для него она никто! Ей уже нанесён урон, а как привыкнет, прирастёт душой, вообще трудно станет уйти, придётся рвать по живому, с мясом. Такое не выдержать! Значит, необходимо остановиться!

Но почему так тянут его губы?! Он стоял на дискотеке, не пытаясь поговорить с ней, пригласить, ничего не захотел предпринять. Ему, видно, безразлично, с кем ложиться, кого целовать, ласкать. Эля должна была всё понять сразу. Ещё тут, в комнате, Серёгин отдал её Вальке, будто вещь, чтоб тот оценил новую игрушку, наблюдал за руками друга, которые в танце прижимали, шарили по спине девушки, и не реагировал. С Андреем тоже ни одного протестующего жеста. Даже друзья Кузнечика как-то обозначили своё отношение. Она же его унизила, ушла с другим, когда все знали об их ночных похождениях, а Олег смолчал. Эля никогда не покажет боль, парень не сможет похвастаться победой ни перед кем. Точно – победа! Похоже на истину! Верно, с ребятами поспорили на неё, кто быстрее сломит сопротивление, уложит на спину, подчинит. Поэтому он так упорно её доби-

вался. И ведь почти выиграл! Перед мужиками растрепал, те и пошли стройными рядами проверять. Он развязно держался в номере – видно, отчитывался.

«Да, обыкновенный спор! Стыд-то какой!» – определилась девушка.

Опять злые слёзы чёрными ручейками заструились по щекам. Эльга смахивала капли ладошками, размазывая тушь по лицу.

«Серёгин жаждал доказать друзьям мою принадлежность ему. Я спутала карты, уйдя с Андреем. Ладненько! Так держать! Пусть теперь гадают о моих планах! Отлично, что не далась ему, что удержалась у последней черты. Вета придет – им найдётся о чём поговорить. Вот посмеяться не получится! Не допущу! Насмешками изведу или отгорожусь маской равнодушия, она выручит! Мне по силам уйти! Надо же так вляпаться! Но нет! Я сама себе хозяйка. Не получится подчинить меня! Кишка тонка! Почему же так больно?» – лепетала про себя Эля, задыхаясь от рыданий.

Уставшая от наплыва переживаний, она уснула, свернувшись калачиком.

11. Он. Наотмашь

Томительное ожидание разбилось о равнодушие проследовавшей мимо Эли. Тень колонны скрыла разочарование. Хотелось броситься навстречу, но пустым, холодным взглядом девчонка пригвоздила к месту. Как Серёгина взбесил служащий из соседней части, взявший его Эльгу в оборот! Тот танец за танцем не отпускал Птаху от себя. Парню бы подскочить, разорвать сцепление их рук, взять мёртвой хваткой за грудки новоявленного соперника, устроить склоку, но он лишь жёг огнём ярости сладкую парочку. Происходящее озадачило всех. Свои Элю обходили, Валька сболтнул, что Олег бесится из-за неё; этот же херувимчик будто свалился с неба, ни о чём не догадывался, серьёзно настроился завоевать новенькую. Она же домашней кошкой шла к тому в руки, смеялась, флиртовала, отгородилась от прочих. Гордость помогла Серёгину избежать импульсивных поступков, унижаться не хотелось, не желал показывать миру, что столичной штучке удалось зацепить его.

Не дождавшись окончания вечера, парочка ушла в ночь. Неужели москвичка клюнула на смазливую мордашу? Он сдержал порыв броситься вслед, догнать, порвать Кучерявого в ключья, отобрать, увести дурёху силой; остался стоять, демонстрируя безразличие, дотерпел до конца, пока не смолкла музыка, не объявили об окончании вечера. Вы-

шел вместе со всеми на улицу. Эльга с ухажёром испарились.

Парни перекидывались байками, пытаясь развлечься. Серёгин непривычно молчал, куря сигарету за сигаретой, глубоко уязвлённый, униженный сочувственной жалостью ребят. В общаге, не задерживаясь на крыльце, торопливо пошёл в номер, упал на койку. Бешенство, злость, отчаяние испепеляли, грозили вырваться из-под контроля.

«Где они? – молотом било в висках. – Тут? В её номере? У него в части? Где?»

Сон бежал, ревность зверем разрывала сердце на куски. Олег многое в жизни повидал, с предательством сталкивался, до конца же понять баб не смог. Сегодня ночью, да и днём тоже, Птаха обнажённая, податливая была в его власти, упоённо отвечала на поцелуи, ласки. Через час же, словно посторонняя, упорхнула с другим, сменила плёнку в хорошенькой головке, перепрограммировалась. Такое возможно? Мужики видели их целующимися, вдруг девяностоградусный разворот, в остатке пустота, боль. Пошутили да разбежались? Даже для общаги крутовато. Чего новенькая добивается? Себя топтать не даст, не трава придорожная. Допустим, хороша эта столичная козочка, он тоже не лыком шит! Сколько женщин перебивало у него руках, да ещё каких, но так лихо никто не обрывал! Не зря он недолюбливал москвичей! Существует же причина странного поведения!

Девушка, казалось, мстила за обиду. Нечто случилось до танцев, она пришла иной – просто вычеркнуть его, как

хлам. Кучерявый зануда воспользовался моментом, не остановили выскочку. Эльга избрала другого! Да, прав Валька – выбор за ней. Не хочется подчиняться унижительному раскладу. Пусть думают, что дело в нём, не позвал, решил остаться верен Вете. На каждый привет – соответственный ответ. Неужели всё в прошлом? Слава богу, есть Веталина! Может, в это дело? Пробило ознобом. Неужели донесли?! Самому сказать не удалось, времени не хватило. Выпить бы, но завтра на работе ответственный день, не успеет оклематься.

В дверях показался Валька:

– Лежишь? Не скули. Привёл Кучерявый куклу в целости да сохранности. Не целовались, вежливо разбежались, видел своими глазами из окна Тайки. Говорил тебе, что она выбирает. Ты, похоже, уже не козырный туз!

– Отстань. Я сплю. Мне плевать, – взорвался Серёгин, выругавшись.

Следующая неделя получилась томительной. Тянуло к Эльге. Непонятно, как можно так быстро подсесть на человека. Стиснув зубы, держался. Комната девушки оказалась для него под запретом. Олег старался не замечать Эли, захлестнувшая обида помогала выстоять – лишь холодное «здравствуй», ничего более. Мужики молчали, говорить было нечего. Только глаза не подчинялись воле, втайне от всех везде выискивали хрупкую фигурку москвички.

В конце недели Серёгин заметил Кучерявого, входя-

щего в комнату Эльги. Ходил слухок, что тот частенько навещается к Птахе. Бешеная ревность, острое желание увидеть, разоблачить вертихвостку, чтоб потом забыть, выжечь, стереть из памяти, бросили парня к заветным дверям. Вызывающе громко постучал, сдерживая напряжение, влетел, в сторону их не глядел, что-то наплёл Ринке про голодных котов, затребовал рыбные хвосты, совсем запутался в чепухе. Рина недоумённо пожимала плечами. Круто развернувшись, в отчаянии махнул рукой, краем глаза уловил одинокую фигуру Кучерявого за столом.

– У нас в общаге коты водятся? – резанул по сердцу голос Эли из её уголка.

Не обернулся, не ответил, молча вылетел из комнаты. Вспышка глухой ревности, с которой не мог сладить, указывала на более глубокие раны в душе, оставленные приезжей ветреницей.

«Неужели я влюбился? Нет! Всё наваждение. Ветка придет – баламутица пройдёт», – с раздражением размышлял Олег, однако тайно следил за дверью девушек.

Визиты Андрея становились реже, короче, что успокаивало. Зато повадился другой охотник за приключениями, из новеньких.

«Как осы на мёд», – недовольно подумал парень.

В один из вечеров Валька, вернувшись из душа, пробубнил:

– К твоей Игорёша, новенький, лыжи наострил. Или

не твоя уже? – подозрительно добавил он.

– Иди ты в баню, – отбил Серёгин, вновь уткнувшись в книгу.

Только Валя отбыл к Таисии, Олег вылетел из своего убежища. Подскочив к дверям девушки, стукнув пару раз, распахнул створку. Эльга сидела за столом с малознакомым мужчиной, о чём-то оживлённо беседуя.

– Извините, ошибся дверью, – пробормотал парень, выскочил вон.

– Нет! С этим надо заканчивать, – нервно проговорил ревнивец в открытое окно, выкуривая у лестницы очередную сигарету в ожидании, когда Игорь выйдет из комнаты.

Тот появился в коридоре, через минуту вернулся с магнитофоном. Звуки попсы слышались из-за закрытой двери. Выдержки хватило на десять долгих, томительных минут. Серёгин ворвался в комнату без стука, в полумраке горели свечи, две фигуры, слитые в одну, плыли в волнах музыки.

Нагло хмыкнув, Олег с размаху плюхнулся на стул, развязно приказал:

– Налей выпить да закуски! – обозначая, мол, здесь не впервые, гость не случайный, одновременно издеваясь над ней, над собой.

– Спиртного не держу. – Эльга потерянно взглянула на него, всё же выставила какой-то капустный салат. – На, закусывай! Извини, гостей не ждала. Больше предложить нече-

го. В следующий раз о визите предупреждай за сутки.

Сарказм зазвучал в голосе, возмущённо полыхнули зелёным пламенем глаза. Хозяйка, демонстративно развернувшись, ушла к себе за шкаф.

«Значит, не так безразличен, как хочет показать, раз психует», – с удовлетворением отметил Олег.

Долго парни не задержались, вывалились из комнаты вместе. Серёгин увлёк новенького искать что-нибудь согревающее. Позже Игорьку намекнули о неких тёрках между странной парочкой, которые на людях в упор не замечали друг друга. Вообще-то девчонка не скучала – если ревновать каждый раз, можно закончить психушкой. Эля с успехом справлялась с вспышкой гормонального бума у общежитских парней. К ней ходили, но победой никто не хвастал, это успокаивало. Подробности знать не хотелось, верить в плохое не мог, ему несносна была даже мысль, что он не один пил мёд её губ.

Вета вернулась из Союза, ходила за ним по пятам, делилась новостями. Олег изнывал, обижать не мог, терпел скуку, мечтал о другой. Добрые люди донесли подруге, что Кузнец клеился к новенькой, та надулась, но вскоре отошла, оставив затею такого воздействия на друга. Серёгина больше волновало, что Эльга осталась одна, её соседка укатила в отпуск. Девчонку тяготило одиночество; коротая время, та часами просиживала у приятельниц. Их отношения оставались равнодушно-пренебрежительными, но Олег знал, чувствовал,

что не забыт окончательно.

Однажды духота выгнала на крыльцо ночью. Серёгин курил в одиночестве, думая о несправедливости жизни. Валька с Тайкой не знает, как расплестись, пассия замучила разговорами о свадьбе. Он с Ветой мается, слишком скучна да приторна; если нужда заставит жениться на ней, от тоски на луну завоюет, а женщина, к которой магнитом тянет, стала чужой. Всё так быстро промелькнуло, в одно мгновение их свело, в следующее – развело, оставив щемящую боль, недоумение, обиду и всё ту же неубывающую тягу к Птахе, отчаяние от невозможности даже поговорить по-дружески. Вета стерегла, как сторожевой пёс, тоже ревнует, оказывается. Мысли бежали одна за другой в тишине летней ночи, нарушаемой лишь стрекотом цикад. Раздался лёгкий звук шагов, на крыльцо выпорхнула Эльга, словно притянутая силой мысли.

– Здравствуй. – Тихий грустный голос накрыл нежностью.

Олег не успел ответить, Эля скрылась в темноте.

«Куда она на ночь глядя? Неужели встречается с кем? Андрею удалось затянуть узелки?» – кольнула паническая мысль. Шаги раздались вновь. «Возвращается, к почтовому ящику бегала», – с облегчением отметил в голове.

Возликовал, забыв о бойкоте, радостно вякнул:

– Эль, за меня письмецо напишешь?

– Мне адресатов хватает, – неожиданно тепло улыбнулась девушка.

В чудных глазах заплясали искры, взметнулись русые прядки волос, дверь за ней закрылась. Обида враз испарилась.

12. Она. Недоверие

«Не смей думать о нём! У него другая. Ты не сможешь быть подменой».

Эльга шла на работу, предчувствие зреющего возмущения привычно давило на плечи незримым грузом. Гордо подняв голову, прошествовала мимо уязвляющих взглядов парней. С той последней дискотеки Олега она предпочитала не замечать, скрывала обиду в себе. Проходя мимо него, холодно улыбалась, равнодушно здоровалась. Однако, таясь, всё же выискивала глазами в толпе ребят знакомую фигуру, безотчётно радуясь встречным взглядам, следила издалека за расквашивающейся походкой несостоявшегося любовника.

Временами удавалось отвлечься, не попадаться ему на глаза, ничего не видеть, не слышать. Приказывая сердцу молчать, девушка пыталась стереть из памяти следы рук, губ, но, надкусив яблоко страсти, вкуса забыть не могла. Её манил образ Олега. О, если б всплыла беспочвенность сплетен, кто-то добрый заверил мятежный разум, что на самом деле она не приз в споре, не средство от скуки! Ей хотелось стать кем-то более ценным для Кузнечика – так назло, в отместку за нанесённую обиду, она про себя обзывала Серёгина. Только его жаждала слышать, видеть, чувствовать неискущённая душа.

Через некоторое время острая обида от оскорбления

поутихла, Эльга почувствовала себя предательницей, злой взгляд отвергнутого любовника с дискотеки преследовал её. Девушка гнала бредовые мысли о собственной вине – ей не в чем себя упрекнуть, использовал наивность, обманул доверие он. Олег же не спешил разуверять никого в подлости, оправдаться, утешить. Становилось непонятно, чего добивался парень, хочет ли продолжения.

Вопросы множились, объяснений не находилось. Андрей попался у неё на пути вовремя, но с ним никогда ничего не будет; тот захаживает каждый вечер, уговаривает погулять, сидит, болтает, совсем не мешает. Мальчишка не вызывает в ней умопомрачительного чувства полноты жизни, ощущений, не заставляет сердце бешено скакать в груди, он не Олег. Выставлять поклонника не имело смысла, с ним она отвлекалась от мыслей о Кузнечике; также смягчалось тяжкое ощущение бойкота со стороны мужиков общаги, которые теперь обходили Эльгу, неохотно, сквозь зубы отвечая на приветствия. Девчата тоже неодобрительно шушукались за спиной, ехидно стреляя глазами.

Оставшись вечером одна, часто восстанавливала предшествующие события. Каждый раз задевало осознание, что в поведении Серёгина не чувствовалось ни раскаяния, ни сожаления, будто та ночь приснилось, не наяву Эля доверилась чужаку, сокрушив все преграды. Ужасно стыдно считаться отработанным, ненужным материалом, использованной вещью. Его вежливое безразличие при случайных встре-

чах вводило в растерянность, ранее вызывавший трепет восторга взгляд теперь ввергал в пропасть разочарования. Эльга внушала себе мысль о нереальной надуманности отношения к Олегу, но каждая мимолётная встреча порождала бурю эмоций в крови, всё труднее становилось прятаться за маской безучастности. Она не подавала виду, старалась выглядеть сногшибательно, хотя не могла понять зачем.

Андрею новенькая нравилась всё больше и больше, ему чаще хотелось общаться с нею. Он робко заикался о продвижении отношений, намекая на интим, что выводило девушку из себя. Приходилось сдерживаться, рассчитывая на догадливость парня. Желание утереть нос Серёгину, доказать, мол, ей и без него неплохо, приносили результаты. Олег врывался в комнату девушки каждый раз, когда узнавал о посещении Андрея. Эля видела пламенеющую ревность, сжигающее бешенство в дорогих глазах, ликовала, слушая чушь, которую он нёс, объясняя свой приход, тешилась надеждой на что-то невозможное.

Эльге быстро наскучили искусственные провокации Андреем, девчонка решила прямо отказать парню:

– Андрюш, ты хороший, только мне неинтересен как мужчина, забудь думать об этом, лучше вообще не появляйся здесь, найди кого-нибудь другого.

Мучительно наблюдать за понуро уходящим поклонником, но девушку раздражало в нём буквально всё, с этим справиться она не могла. Парень исчез на неделю, потом же

визиты возобновились. Эля не осмеливалась вновь причинить боль, указать на дверь попавшему в её сети дыхателю.

В середине недели в общаге появился новенький из Союза. Будучи не в курсе недавних событий, вычленил из толпы Эльгу, решив наладить с соседкой отношения, явился в гости. Приезжий оказался интересным собеседником, они довольно долго болтали, смеясь над шутками. Дверь распахнулась, влетел Олег, потоптался на месте, буркнул о досадной ошибке да вышел вон. Девушка внезапно разглядела безумное отчаяние на грустном лице, сердце сжалось от осознания, что она стала этому причиной.

«Почему он такой? Разве нельзя по-взрослому решить, по-человечески выяснить всё», – мучилась она угрызениями совести.

Тем временем новый знакомый принёс от себя магнитофон, свечи. Создав небольшой «романтик» мерцанием пламени, нежными звуками какой-то итальянской группы, Игорь повёл в танце, тесно прижимая девушку к груди. Элю не оставляли в покое мысли о тлеющей муке в глазах Серёгина.

Дверь вновь распахнулась. На этот раз Олег не захотел ничего надумывать. События стали развиваться в оскорбительном для Эльги варианте. Вскоре парни ретировались, девушка не сдержала улыбку, ведь Олег появился – следовательно, равнодушие, выказываемое парнем, показное.

На следующий день, в обед, Игорёк опять зашёл к соседке – извиниться за вчерашнее. Покрутившись у порога, спросил с неприкрытой страстью:

– Со мной будешь?

– Нет. И откровенность за откровенность: не стоит тебе искать здесь случайных пассий – ты вызвал жену, это осложнит вам жизнь вскорости.

– Может быть, – разочарованно прозвучало в ответ. Больше к этому не возвращались.

Он заходил ещё некоторое время по-дружески, пока не приехала супруга.

«Вот мужичьё, – возмущалась девушка впоследствии, наблюдая за парой, идущей впереди, когда бежала на работу. – Месяца без бабы прожить не в состоянии, налево норовят. Жена не уродка, всё при ней, чуть полновата, а так мила – так нет же, интрижкой на стороне не побрезговал. Олег такой же!»

Эльга понимала: Кузнечику удалось до неё достучаться, она запуталась в чувствах к нему. Им так и не удалось объясниться, Вета приезжала уже сегодня – выходит, не судьба прояснить назревшие вопросы.

Вечером того же дня две девушки столкнулись на лестнице, с любопытством обшарили друг друга глазами. Олежкина подруга Эле не глянулась. Девица была худой, высоченной, серой, как мышь, с вытянутым лицом, нечистой кожей, тонкими губами, длинным носом; лишь пышные, светло-пе-

пельные волосы притягивали внимание.

– Я лучше, – бормотала Эльга, влетая в комнату под удивлённые взгляды приятельницы, – Какая же настороженность во взгляде его подружки! Вероятно, милые соседи успели донести про нас с Кузнечиком?

Дни шли. Быть рядом и не видеться с Олегом становилось мучительно, это угнетало. Правда, случай столкнул их однажды, когда ночью приспичило опустить письмо подружке, чтоб ушло с утренней почтой. Он курил, сидя на ступеньках крыльца. Сердце забилося пойманной птицей. Она прошелестела приветствие, голос вдруг пропал. Девушка почти не различала Серёгина в темноте, только огонёк сигареты, зато чувствовала всем телом. Возвращаясь, молила, чтоб не ушёл, хотела вновь ощутить Кузнечика рядом. Он исчез. Разочарование окутало Элю. Приглушённый хриловатый голос прозвучал с противоположной стороны, ощущение эйфории вернулось, а нелепые предложения полуночника развеселили. Она отмахнулась от странных слов нарочито равнодушно, напоследок подняла глаза и поразилась теплоте ответного взгляда в свете уличного фонаря.

«Перестал сердиться, больше не дуется, холода нет, – наполнилась счастьем душа Эльги. – Только очень печален! Как же у него получилось стать для меня таким дорогим человечком?»

Его взгляд заряжал энергией, создавал стимул для дальнейшей жизни – у других так не получалось. Но она не имеет

права позволять себе думать об Олеге всерьёз.

13. Он. Попытка

«Боже! Её взгляд опять живой, тёплый, она мне улыбалась! Лечебный бальзам на истерзанную душу», – ликовал Олег, когда фигурка Эльги скрылась в проёме двери.

На следующий день пришло время очередной дискотеки. Молодёжь радовалась. Серёгин привычно простаивал у колонны на медляках, не осмеливаясь пригласить Элю, с другими танцевать не желал. Девушка же меняла партнёров часто, это привычно раздражало. Один раз он позволил Вете утащить себя на танцпол, избегая очередного шквала обид и жалоб. Неожиданным подарком парню явился змеиный взгляд Эльги. Впрочем, девчонка поспешила тут же спрятать его под ресницами, качаясь рядом в паре с общежитским слесарем.

«Следит, значит, не забыла», – торжествующе взметнулась мысль.

По окончании дискотеки молодёжь гурьбой двинулась к общаге. У крыльца их поджидал магнитофон, услужливо предоставленный кем-то для продолжения веселья. Тёплая погода располагала, идти домой никому не хотелось. Эля уже отдала дань уважения почти всем присутствующим, когда её пригласил пьяный приятель Рины. Коста хохмил, как-то сумел развеселить девушку. Олег сидел с Ветой на ступенях крыльца, наблюдал. Помня ревнивый взгляд Эльги,

решил удостовериться в чувствах Птахи, напоказ начал целовать Вете руки – ранее до такого не додумывался никогда. Та смутилась, принялась вырываться. Эльга же, равнодушно скользнув взглядом по лицам, неожиданно громко рассмеялась очередной шутке Косты. Серёгин не выдержал, забыв об осторожности, запустил оскорбительной репликой о намечающемся соперничестве соседок. Коста нахально ухмыльнулся, спросив у Эли, как та терпит Олега. Щёки москвички возмущённо заалели, слова ранили, оскорбляли.

Девушка выстояла, пожав плечами, меланхолично изрекла:

– Мне никакого дела нет! Пусть болтает, если легче становится.

Слова, тон резанули парня крепко. Вот как получается! Нет никакого дела до него? С досады отвернулся, Эльги след и простыл. В номере осенило: она ревнует, не отмолчалась, ответила колко – значит, небезразличен. Плевать тогда на условности. Он пойдёт к горячке, всё выяснит – так дальше продолжаться не может.

После отъезда Рины поток визитёров к Эле удвоился. Учитывая обстоятельства, Олег явился среди недели, когда никого поблизости не оказалось. Кратко постучав, вошёл в девичий номер. Она читала в кресле, повернувшись лицом к окну. Вырез платья частично оголял спину. Не сдержав искушения, молча подошёл сзади, с наслаждением провёл руками по краю выреза.

Стояла жара, но кожа Эльги поразила приятной прохладой, ответная дрожь желания исходила от хрупкого тела. Девушка подняла ресницы, глаза засияли изумрудными звёздами, будто не замутнённая ничем радость плескалась в глубине зрачков.

– Приду сегодня ночью! – ободрённый этим светом, с ходу заявил он, замерев в ожидании приговора с трепетом в сердце.

– Нет!

Восторг померк во взгляде Эли. Она отвела руки, больше не позволив дотронуться до себя.

– Уходи. Собралась в кино с соседкой, – добавила с вызовом.

– Ты говоришь «уйди» так, будто просишь остаться, – потерянно улыбнулся Олег, а потом отчаянно выпалил: – Знаешь, как сказать, я ведь не совсем свободен. У меня пунктирная свобода там, на первом этаже. Даже хуже – штрихпунктирная. Понимаешь?

Эльга грустно опустила голову. У него захолонуло сердце от ощущения причинённой боли, но он обязался сам сказать это ещё тогда. Эля понимала ситуацию, признавать не хотела. Тряхнув упрямо выбившимися из пучка прядками русых волос, взглянула исподлобья.

– Не понимаю, о чём ты. Какая-то штрихпунктирная свобода. Бред? Ну да ладно! Пошли. Мне в кино.

– Не очень—то ловко хитришь, – заметил Серёгин, потя-

нулся, зафиксировал руку с ключами от комнаты в своей ладони, легко извлёк позвякивающую связку.

– Отдай! – потребовала Эльга.

– Придёшь – отдам!

– Ну хорошо, – легко, без сопротивления согласилась девушка. – Только запри, как надумаешь уходить. – И выскользнула наружу.

Олег не понимал ни себя, ни её. С тоской глядя на закрывающуюся за ней дверь, вертел ключики в руках. Зачем они теперь? Серёгин задерживал девушку, чтоб та не убежала, а она не хочет оставаться наедине, боится. Было бы идеально поговорить сейчас обо всём, прояснить обстоятельства, любоваться светом её глаз и целовать, целовать, целовать. Ушла водой сквозь пальцы. Что теперь, здесь с ключами дожидаться? Можно засветиться, вновь придётся терпеть унижение. Эля променяла его на другого! Ну уж нет! Такое не повторится! Тихо выйдя из комнаты, запер номер. Планы рухнули, она их разрушила.

Безучастно бредя по коридору, наткнулся на Милку – подругу, соседку и землячку Веты, отрёшенно сунул ключи в руку женщины, попросив:

– Слушай! Передай Эльге. Она в кино пошла. Так вышло. – Не вдаваясь в подробности, направился к Вете.

Ему стало всё равно, где быть, с кем, лишь бы не в кино, где она, недоступная, сидит совсем рядом. На душе скребли кошки.

Мила успела донести Ветке о нежеланном визите, пока он заскочил к себе в номер по пути. Вета устроила разнос. Ну что мог сделать Серёгин, когда к Эле тянуло магнитом. Олег равнодушно отмалчивался в ответ на нападки, думая об Эльге. Необходим один лишь знак; если нужен Птахе, тогда верным псом у ног будет лежать, не отойдёт. Она избегает его, следовательно, стоит с ней заканчивать. Он перетерпит, постарается не видеться, всё само собой пройдёт. Эля сегодня ясно сказала «нет», значит, чувства ушли без возврата.

Серёгин честно пытался избегать с ней встреч. Дни мучительно тянулись.

14. Она. Противостояние

Первая дискотека после возвращения Веты запомнилась Эльге тянущим чувством обидной несправедливости, когда увидела Олега, идущего рядом с возвратившейся отпускницей. Но парень по привычке во время парных композиций подпирал колонну, отжигая только в вихре быстрого ритма. С приездом его пассии бойкот для Эльги автоматически отменили, от приглашений не было отбоя. Девчонку же интересовала только одна конкретная пара. Долгие безуспешные попытки Веты вытянуть Серёгина на медляк, его вынужденное, неохотное согласие на один тур немного подняли настроение, но вызвали растерянное недоумение: «Он хотел, чтоб я так же уговаривала соизволить снизойти до меня в прошлый раз?»

Когда дискотека продолжилась около крыльца общаги, кружащейся с очередным партнёром Эле нестерпимо хотелось иных объятий, каждой клеточкой спины она чувствовала жар глаз Серёгина. В тот тёплый вечер девчонка испытывала невыносимо тоскливую вину от неуместного жгучего желания танцевать именно с ним. Девушку ошарашили провокационные шпильки Кузнечика, нацеленные в неё, едкие реплики пугали. Она ускользнула незаметно, избегая нежелательного разочарования.

После отъезда соседки Эльга сначала чувствовала се-

бя неуютно в одиночестве большой комнаты, позже вошла во вкус. Парни опять потянулись с визитами к москвичке, предлагали составить компанию, разогнать тоску. Приходилось включать фантазию, отшучиваться, даже бесцеремонно выставлять вон. С Олегом дело обстояло труднее. Он тоже как-то заскочил мимоходом. Её тело не подчинялось разуму в присутствии этого парня, кожа покрывалась мурашками, сердце плясало в груди. Радость встречи с бывшим партнёром, осознание, что присутствие Веты не остудило, не остановило, переполняло ликованием, мерещилась надежда на несбыточное.

«Надо держать себя в руках, не поддаваться порывам странного притяжения. У него другая! Я не стану развлечением в руках обманщика. Нельзя сдаваться! Необходимо быть равнодушной!» – внушала себе девушка, но, не выдержав, подняла глаза.

От их зрительного контакта разлетелись искры. Эля увидела во встречном взгляде тоскливую неуёмную страсть. Захотелось прижать голову Олега к груди, гладить волосы, ласковой успокаивая боль. Неожиданный вопрос о ночи интима чуть не сбил с ног, перечеркнув наивные мечты: «Выходит, так и осталась утехой, временной куклой? Наверно, какие-то осложнения с подругой».

Эйфория радости куда-то утекала. Как бы девчонке ни хотелось поцелуев да ласковых рук, тянущихся к ней, в отрицании мотала головой, а потом чуть ли не бежала от признаний

про утаённую, сокрытую им длинноносуя Вету. Да, глупенькая простушка повелась, доверилась, позволила чувствам взять верх. Что уж теперь? Эля ощутила грязь, её испачкали – парень пришёл за дешёвым развлечением, к дешёвой женщине! Девушка же имела твёрдое убеждение, не позволяющее делить своего любимого с кем-то, смиряться с тем, чтоб ею делились. Докладов об этом не делала – знать такое посторонним неинтересно, поэтому отмахнулась от объяснений, изобразив беззаботное невнимание, предпочла исчезнуть, бежать, пока имела силы сопротивляться харизме молодого человека. Спасаясь, беглянка в испуге даже ключи оставила.

Разочарование, грусть, плескавшиеся в знакомых до боли глазах, молили о пощаде, но оставаться рядом больше не могла, боялась вспыхнуть, не выдержать, лишиться силы воли, не посметь уйти. Быть временным утешением – не её дорога. Он необходим весь, без остатка, дабы стать для него путеводной звездой, несущей счастье, чтоб только двое, никаких штрихпунктиров, а если так невозможно, то лучше вообще никак.

Ключи от комнаты получила обратно после кинофильма, гость передал через Милку. Не хотелось задумываться, зачем Олег раскрылся, как оправдался перед длинноносой, но ревностью затопило разум: «У той сидит – так, получается?! Меня не хочет видеть! Вета постаралась, сама дала требуемое. Даже ключи через соседку передал. Утруждать,

объясняться не входило в планы. Значит, теперь всё! Серёгин с Веталиной. Со мной же у него не штрихпунктир, а точка. Ну ладно, быть по сему! Проживу без него. Как-то раньше могла ведь!»

Ложась в одинокую постель, Эля не могла унять слёз бессилия, беспросветного отчаяния.

«Если чувство, что вызывает во мне Кузнечик, есть любовь, – размышляла девушка, вытирая намокшие глаза, щёки полотенцем, – то почему тогда погибаю от боли, тону в море слёз? Где же солнце, свет, тепло, радость, ощущение полёта? Не может называться это любовью, слишком солоно!»

15. Она. Надлом

Воскресенье пролетело безлико. Эльге казалось, что все про неё забыли. С соседкой сговорились пойти на вечерний киносеанс в клуб. В свободное время занялась уборкой. Почти славив со всеми делами, услышала стук в дверь. Отвела со лба прилипшие волосы, распахнула створку. Она знала – не Олег, его оригинальный перестук невозможно повторить.

Коста неуверенно переступил через порог. Эля не сразу определила степень изрядного опьянения гостя. Большие мутные глаза тяжело смотрели ей в лицо. Зная, что это один из мужчин соседки, отошла, пропуская гостя вглубь комнаты.

– Рина в отпуске. Ты не в курсе, не сообщила разве? – спросила хозяйка, прополаскивая тряпку в ведре.

Он молчал. Эльга оглянулась, с удивлением посмотрев на вошедшего.

– Я не к Рине. Я к тебе в гости пришёл. – Хриплый голос заставил поёжиться.

– Некстати. Но проходи! Помощь нужна? – Эля расставляла по местам освободившийся инвентарь.

Надо бы избавиться от непрошеного визитёра, но гнать невежливо – вдруг у соседки проблемы возникнут из-за проявленной нелюбезности. Разобравшись с уборкой, предложила чаю. Они сидели за столом, от кружек со свежесварен-

ным напитком распространялся аромат мяты. Коста легко увлѣк её разговором, мастерски забалтывая россыпью анекдотов, шутками, забавными случаями из жизни, рассмешил до слѣз. Незаметно, совсем естественно мужчина притиснулся ближе, втянув носом запах волос. Стало неудобно и тревожно, девушка попыталась дистанцироваться, гость мгновенно перехватил за локоть.

– Хочешь, погадаю? Умею по руке, по глазам тоже. Ух! Таких глаз, как у тебя, видеть не приходилось, и волосы пахнут умопомрачительно.

Собеседник притянул хозяйку к себе, дохнув в лицо перегаром. Эльгу передёрнуло от омерзения.

– Коста, ты пьян! Мне в клуб надо. Уходи!

– Ну, совсем чуть-чуть пьян.

Рывком обхватив ладонями её голову, прижался к губам. Это оказалось ещё омерзительней, чем с отчимом, – до тошноты. Эля пыталась вырваться, безуспешно колотя руками по твёрдым плечам, отталкивала со всей силы. Мужик мощью походил на быка, сопротивление его раззадорило, возбуждало сильнее, мокрые губы слюнявили лицо, шею, спускаясь к груди. Эльга взывала к разуму, увещевала, уговаривала, просила – ничего не помогало.

Подхватив её на руки, Коста пересел на кресло, но, передумав, вскочил, опустил сопротивляющуюся жертву на кровать, задрал подол, грубо исследуя бѣдра, ягодицы, снизу добрался до груди, сжав до боли в ладонях. Ожогами горели

отвратные поцелуи.

– Пусти! Закричу! – рванулась Эля, чувствуя себя загнанной ланью.

Молодчик опять закрыл кривящийся рот губами, удерживая одной рукой тонкие запястья, другой сдёрнул с тела юбку, трусики. Оторвавшись от губ, довольный своей находчивостью, изрёк:

– Ну вот! Теперь кричи!

В сознании угодливо развернулась ужасающе позорная картинка, где на призывный крик сбегается общага, все эти мужланы, которые сами клянчили любви, благосклонности, близости, насмеваются, рассматривая маслянистыми глазами растерзанную обнажённую фигурку. Олег тоже, конечно, увидит её жалкое унижение; наверное, сначала пожалеет, потом с презрением отвернётся.

О! Она знала нравы закрытых войсковых частей! Никто разбираться не станет. На пару с Костой отправят в Союз, никогда ей более не увидать милого сердцу Кузнечика. Опять придётся изнывать от безысходности в руках истеричной мамы, слушая бесконечный, надрывный трёп по телефону о шалаве дочери, которую попёрли из Германии за непотребное поведение. А потом маменькин прихвостень, её женишок, потащит девушку в ЗАГС из милости, чтоб всю жизнь бахвалиться благородством да попрекать. Нет, не выйдет!

Может ещё Олег в драку ввязаться, тогда и его попрут раньше срока, он её тогда возненавидит. Даже если всё за-

мнут, всё сойдёт всем с рук, Эля останется опозоренной, не посмеет поднять голову, взглянуть в глаза свидетелям своего позорища, ни обелиться, ни отмыться никогда не сможет. Девушка не видела выхода.

Коста наседал, глаза горели похотью, вожаденно оглядывая нагое тело, мокрые губы дрожали от возбуждения.

– Ну же! Что же не кричишь? Кричи!

– Пусти, Коста, пусти! Я девственна, – выдавила Эльга.

– Спокойно! Сейчас проверим! Не переживай, не зверь, чай, прорывать не буду. Мне нужна твоя грудь, нужна ты. Вся ты! Неужели не замечала, как действуешь на меня?! Тихо! Будешь послушной – больно не сделаю, – бормотал мужчина, расстёгивая штаны, прижимая несчастную к матрасу.

– Господи, только бы никто не вошёл, – прошептала Эля, теряя силы...

– Поздравляю! Ты теперь женщина! Прости, не сдержался, больно сладкая, – усмехаясь, отчитался насильник, когда всё закончилось.

Эльга почти ничего не почувствовала – ни боли, ни удовольствия, ни стыда, только отвращение; с ней обошлись как с безгласным животным – отымили при незапертых дверях. Коста выпустил фигурку из своих медвежьих объятий, встал, оправил одежду, разглядывая растерзанное, жалкое тело лежащей в оцепенении девчонки. Вдруг та ожила, встрепенулась птицей, рванулась к столу, надевая на ходу юбку, поправляя топ. Вытащив аптечку, сходу засунула какую-то таб-

летку в рот, на кухне запила водой. Мужик присел на кровать, заинтересованно наблюдая за суетой растрёпанного воробышка – гордая королева внезапно исчезла.

– Что мечешься?

– От тебя детей не хочу! – выпалила молодуха.

– Детей не будет. Чернобыль за плечами. Облучён.

– Плевать. Не хочу всё равно!

– А я хочу! – чуть не закричал он, ощутив страстное желание иметь ребёнка именно от этой женщины. – Ты у меня вторая, всего вторая девушка за всю жизнь. Остальные шлюхи, пробу некуда ставить.

Строптивица с ненавистью взглянула в сторону говорившего, вложив в свой взгляд столько презрения, что Коста поторопился неуклюже подняться да убраться восвояси. Она бросилась следом, заперла дверь. Способность думать, анализировать возвращалась. Эльга привела себя в порядок, глянула в зеркало.

«Ну, вроде ничего не изменилось. Я та же! Никто ничего не узнает. Из-за такого ублюдка не стоит страдать! Не дождётся!» – уговаривала она себя, накладывая грим на раскрасневшееся лицо.

Потом грустно подумала, что, видно, изнасилование проходит у неё по судьбе. Три раза ей удавалось увёртываться, удерживаться на краю. После учёбы в вечернем институте домой вынужденно возвращалась затемно. Первый раз удалось освободиться, мягко высмеяв зарвавшегося паренька;

тот пришёл в чувство, он был совсем незрелый пацан, извинялся потом. Второй и третий раз на помощь пришли терпение, ласковое увещание да прохожие. Главное было – оставаться на тропинке, дожидаться реальной помощи, какого-нибудь взрослого, сильного мужчину. С трудом, но удалось вывернуться. Третий раз сильно ударил по психике. Минут тридцать сдерживала свински пьяного, распоясавшегося самца разговорами, лестью, пока не дождалась подмоги. Тот был красив, искренне не понимал, отчего она сопротивляется. Женщин, стариков, детей до поры до времени не тревожила, чем успокаивала парня, смягчая обстановку. Москва – сложный город!

«Что ж вся пьянь на меня лезет? Сегодня, видимо, не мой день, но надо жить. Что, в сущности, произошло? Мне двадцать семь лет, девственность начала тяготить. Сказать кому – не поверят, что в таком возрасте ещё дожидаюсь своего Грея. Олег не поверил».

Ни слёз, ни жалости к себе Эльга не испытывала. Только омерзение.

«Самой хотелось бы распорядиться нетронутостью, отдать по своей воле тому, кто вызвал романтические чувства. Однако у Олега Вета, парень совсем позабыл происходившее с нами безумие, нет мне места в его жизни. Он никогда теперь не поверит, насколько чиста была глупая москвичка в ту единственную нашу ночь, про первый поцелуй не поверит. Видно, так суждено, зато этот сдерживающий фактор теперь

окончательно исчезнет из моей жизни».

Закончив с макияжем, спокойной, безучастной барышней вышла из комнаты, кликнула подружку. Под ручку, весело переговариваясь, приятельницы двинули к клубу. Коста стоял на крыльце, с изумлением провожая взглядом удаляющиеся фигурки. Не верилось, что гордячка полчаса назад несчастной, растрёпанной птицей лежала под ним. Будто ничего не случилось, скользнула равнодушно-холодным взглядом, в лице ничего не дрогнуло. Он не привык к безразличию. Бабы сами вешаются на него, и эта будет скоро в лицо заглядывать.

Следующий день оказался очень напряжённым для Эли на работе. Она принимала, отпускала, пересчитывала, регистрировала большое поступление товара. Домой вернулась вымотанная, заперлась, приготовила нехитрый ужин. Вышла на пять минут в дамскую комнату. Когда вернулась, чья—то нога не дала закрыть дверь.

Коста ввалился, отгеснив хрупкую фигурку вглубь, прижал створку спиной. Он виновато смотрел ей в лицо, пытаясь вызвать ответный взгляд. Эльга отводила глаза. Покаянно опустив кудлатую башку, в которой явственно проступало нечто бычье, принялся просить прощение, говорить комплименты, осыпать возвышенными эпитетами. Потом вдруг разразился тирадой, что, если б мадмуазель сама не захотела, ничего бы не случилось, только боязнь сдерживала трусиху, а так всё свершилось по обоюдному согласию. На воз-

ражения не хватало ни сил, ни желания, лишь устало усмехнулась в ответ.

– Ну ты же хотела меня! И сейчас хочешь! – настаивал Коста.

– Нет. Тебя никогда не хотела, – вяло отмахнулась Эля.

– А кого хотела? – настороженно, злобно буравил её голубыми глазами насильник.

– Никого! – с вызовом выдохнула новенькая. Какое ему дело до души, когда тот домогался тела?

Ответ взорвал Косту. Заломив руки, тот мерзко впился поцелуем в губы.

– Не надо! Ещё не поджило. Больно будет!

Сил сопротивляться бугаю не осталось. «Всё равно наследил, испоганил меня», – обречённо пронеслось в голове. Один страх позора да огласки тревожил растоптанную душу

– Закрой хотя бы дверь на ключ, – умоляюще прошептала Эльга.

– Вот чего ты боишься! – усмехнулся мужик, но, исполняя просьбу, повернул ключ, потащил к кровати.

Эля чувствовала себя грязной дешёвкой, бездушной игрушкой чужой похоти. Не раздеваясь, мужчина нагнул пленницу головой в подушку, задрал подол, освободил от белья, тяжело дыша, быстро, унизительно отымел. Апатия накрыла бедняжку с головой. Как неживая, перетерпела соитие. Освободившись от железных пальцев, будто очнулась, где-то в глубине неожиданно вызрел сильнейший протест против

происходящего с ней.

– Выпьем чаю? Имеется отличная заварка, не чета твоей. Подсластить тоже чем найдётся. Давай схожу! – примири-тельно предложил обидчик.

Подняв на него глаза, Эльга твёрдо произнесла:

– Конец, Коста. Натешился? Больше сюда не ходи! Ты же-ну вызвал. Тут любовные треугольники со сценами ревности никого не заводят! Даже не суйся! Не пушу!

Он пробовал ей что-то доказывать, сбивчиво убеждал, но она, чётко выговаривая, припечатала:

– Будешь настаивать – найду способ нейтрализовать, до конца пойду.

– Ну хорошо, успокойся, – смешался молодчик. – Давай ставь чайник! Заварку принесу да конфеты, потом всё спо-койно обсудим.

Мужчина вышел за дверь, девушка тотчас повернула ключ, выключила свет, бросившись на постель, отвернулась к стене. Больше сил на сегодня не осталось. Только вялый стон сорвался с бледных губ:

– Эх, Олежка! Хотелось отдать всё тебе, как обещала в первую ночь. Но твоя Вета, твоё враньё... Другому доста-лась моя чистота. Упустил! Зря тогда не верил. Не судьба, видно, милый Олежка.

Всю следующую неделю Эльга носила маску холодной без-участности. Это помогало восстановиться, вновь обрести са-моуважение. Коста больше не приходил, хотя постоянно Эля

ощущала ожидающий, горящий надеждой взгляд затаившегося бугая. Девушка вычеркнула подлеца из числа объектов, заслуживающих хоть какого-то внимания. Через неделю тот отбыл в отпуск в свою Одессу.

Рина же вернулась с отдыха, доставив приветы из Москвы. В комнате стало сразу шумно, как-то тесно. Осенние дни, как листья календаря, таяли в тусклой повседневной суете. Соседке пришлось рассказать об инциденте, та сообщила, поджав губы, что с ней ухажёр поступил так же, прежде чем стать постоянным.

– Что будешь делать? – спросила у Эльги.

– Да ничего, пожалуй. Просто больше не пущу.

– Он упрямый, сильный!

– Я не останусь его шлюхой! – почти злобно выкрикнула Эля. – Лягу с любимым, только не с ним. С любимым, кто первым попросит, а таких хватает.

– С любимым? – Глаза напарницы загорелись насмешкой.

– Нет, не с любимым, – подумав, поправилась Эльга. Решение пришло неожиданно, но показалось таким естественным, как само собой разумеющееся, будто об этом всегда знала. – С Серёгиным, только с ним буду.

– Ну ты разбежалась! Он же у Веты постоянно околачивается.

– Сейчас у Веты – завтра будет со мной! – Уверенность в её голосе поражала. – Мне Вета не соперница!

– Да уж, а кто здесь тебе соперница... Лучше не вмеши-

ваться, – пробурчала Рина, поспешно удаляясь в свой угол.

16. Он. Иллюзорный шаг

Коста уехал в отпуск. Тот Олегу не нравился, но они числились в одной компании. В последнее время мужик странно себя вёл, ходил кругами, издевательски поглядывая, приговаривал:

– Кто-то что-то упустил! Жаль! Я не гордый, я подобрал. Странные намёки настораживали. Слава богу, умотал.

Вернулась соседка Эльги. Олег вздохнул свободнее, ведь москвичка уже не одна; он даже не подозревал, как его это волнует. Теперь меньше станут путаться под ногами обезумевшие кобели. Парню казалось естественным отождествлять Элю со своей женщиной, несмотря на странность их отношений. Ну не выходила девчонка у него из головы, везде чудились её улыбка, глаза, запах. Разобраться в путанице чувств не мог, приблизиться к прелестнице тоже не имел возможности: она ходила холодная, как сосулька, колючая, взгляд стеклянный, чужой.

Оказия всё же подвернулась довольно скоро. Сергей, верный друг и начальник, отмечал днюху в комнате по соседству с Элиной. Серёгин входил в его круг общения, в отличие от других членов компании, включая Вету с Валькой, это давало определённую свободу манёвра.

Парень пришёл, когда градус веселья зашкаливал, гости сошлись за столом, заваленным бутылками да закусками.

Присутствовала соседка Эльги. Молодой человек мимоходом поинтересовался:

– А почему москвичку не позвали?

– Да девка артачится. Не пьёт, видите ли, гордая, – ответила за всех Рина.

– Значит, не так приглашали. Пойду-ка я за ней!

Ребята понимающе ухмыльнулись, но ему стало наплевать на всё. Постучался робко, вошёл в комнату. Спинка кресла почти скрывала изящную хозяйку. С ходу ляпнул что-то неуместное – не хватило времени обдумать слова. Пульс зашкаливал, в ушах звенело. Чудная у него реакция на девчонку! Однако он заметил, как напряглись хрупкие плечи гордячки при звуке его голоса.

– Отчего одна куксишься? Пойдём, нас ждут!

Эля отказалась. Ну что за странное существо! Всегда на его «да» говорит «нет». Это Олега злило – знает же, что не отстанет. Серёгин принял вызов, обошёл сбоку. Ну надо же, маникюрится! Фу ты, мамзель какая! Недовольно бормоча, взял в охапку, взвалил на плечо, поволок драгоценную добычу к дверям. Невесомое тело лозой обвилось вокруг накачанного торса, ладони ухватились за шею. Мороз пробежал по коже. Она умоляюще заверещала, прося отпустить, обещая слушаться.

Олегу нравилось ощущать власть над строптивицей, нравилось покорять. Он разжал руки. Молодка сползла змейкой, плотно прижимаясь бюстом, скользя своим упругим те-

лом по груди похитителя. Коснувшись пола ногами, замерла, не отстранилась, глядела в глаза. Олег не мог пошевелиться, некая неодолимая сила удерживала их друг подле друга. Через несколько секунд отпустило, они отскочили, рассыпаясь в извинениях да оправданиях.

У Серёги их ждал ликёр, сели рядом. Его куда-то несло, язык не останавливался. Парень вглядывался в тонкий профиль, понимая, что она не воспринимает слов, погружена в свои мысли. Врубили магнитофон, Олег увлѐк безучастную прелестницу в танец, ощущая мощное притяжение к партнѐрше. Разгорячѐнные спиртным ребята раскричались, Серѐгин интуитивно потянул Элю из задымлѐнного помещения в тишину еѐ номера.

По пути девушка заскочила к приятельнице за забытой кофтой, парень прошѐл вперѐд. В оставленную незапертой комнату занесло гостей. Ревностью полоснуло по глазам присутствие кучерявого Андрея, развалившегося за столом вместе с Николаичем и незнакомым парнем. Те радушно поманили зашедшего на огонѐк выпить за компанию.

Впорхнула Эльга. Разочарование, удивление, гнев, ярость вспышками молний отражались в бездонных глазах. Мгновенно домашняя кошечка превратилась в дикую царственную тигрицу, голос стал холодней металла, черты лица оледенели. Эля редко приказывала, когда прибегала к этому – ей подчинялись. За секунду мужики оказались за дверями. Серѐгин в восхищении глядел на эту метаморфозу. Парни бро-

сили нечто скабрёзное, на что пара не обратила внимания.

Девушка заглянула в глаза Олега, маска холода сползла, оставив лишь трогательную беззащитность. Они целовалась долго, самозабвенно, Эля подставляла лицо под обольстительные губы, отвечала сладостными поцелуями. Дрожь пробивала тело, он плотно притискивал гибкий стан к груди, пытаясь успокоить, срастаясь с ней. Им было необычайно хорошо. Зелёные глаза очаровательницы пылали ярким огнём.

Серёгин неожиданно для себя задал мучивший сознание вопрос, на который жаждал получить подтверждение:

– Любишь?

В ожидании приговора застыл, от простых слов зависела, казалось, вся жизнь, звуки замерли. Она затихла, даже не дышала. Парень не сомневался в положительном ответе, чувствовал встречное влечение, но Эльга, запинаясь, проронила:

– Нет! Не люблю. Нравишься! Очень нравишься. А Вета тебя любит?

Перехватило дыхание, будто холодной водой окатило. Всего лишь нравится! При чём же тут Вета? Мужчине захотелось причинить боль, как только что сделала девчонка; принялся петь дифирамбы достоинствам Веталины, остановила неприкрытая горечь, появившаяся в омуте дорогих глаз. Эля стояла, с усилием продолжая улыбаться, гордо держа голову.

– Да, любит! – соглашаясь, прошептал парень и добавил,

наклоняясь вплотную к уху девушки: – Только тянет меня не к ней. Неодолимо влечёт сюда, к тебе!

Он почти признался в любви, ждал ответного хода, подтверждения её нежных чувств. Птаха упорно молчала. Не выдержав усиливающегося напряжения, Серёгин бросился целовать бледное лицо упрямицы жёстко, болезненно, будто мстя. Это не уняло острую неудовлетворённость происходящим.

– Верёвку принести? – предложил язвительно, потом не удержался, зарылся носом в ароматное облако рассыпчатых волос.

– Зачем?

Недоумение в голосе подстегнуло к дальнейшей глупости:

– Вешаться будешь. Мне скоро уезжать, через четыре месяца отчалию.

Остановился, почувствовав под тонким слоем ткани дрожь в худеньких плечах, словно от удара хлыстом. Строптивица справилась, не сдалась, ответила соразмерно:

– Не повешусь. Такое не по мне! Уедешь – забуду!

Сказанные в запале слова пронзили Олега раскалённой иглой. Жаждал вырвать признание, причиняя боль, пытался раскрыть хитрую игру девицы, попался на свою же наживку. Возник соблазн исчезнуть, наказать, хлопнуть дверью, но слишком долго стремился к ней, не мог испортить всё одномоментно, не мог оторваться от податливого женского тела.

Как оказались в кровати, когда неосознанно истязали друг друга словами, терзали губами, осталось загадкой. Их несло на крыльях бредовой страсти. Вдруг тёмная стена встала между любовниками, такого с парнем никогда не случилось. В самый ответственный, самый желанный момент Олега подвело собственное тело, они не слились в одно целое, он не сделал москвичку своей. Серёгину ни одну женщину не хотелось так сокрушительно, никогда он не жаждал так мучительно испытать страсть взаимного удовлетворения, вознестись на высоту превосходства над бывшими любовниками партнёрши, доставив той неземное блаженство. Сорвалось, не смог воплотить мечту в жизнь, всё исчезло в самый последний миг. Олег опозорился, унизился в глазах возлюбленной, ставшей центром его вселенной. Жалостливое разочарование в глазах Эли оскорбило, ощутимо ударило по самолюбию. Раз за разом упорно он возобновлял любовную игру, вновь и вновь та обрывалась на вершине взлёта заколдованным образом.

Уже под утро, реабилитируясь, отыгрываясь за своё фиаско, крепко прижимая обнажённое тело девушки к себе, нагородил нечто несуразное о былых похождениях, страстных возлюбленных, пытаясь задеть, оскорбить беззащитную Эльгу. Остановиться не мог, желал довести до слёз, чтоб солёными фонтанами брызнули из её глаз.

– Если бы та Галя позвала, ушёл бы к ней тут же, прям из твоей постели, – летели в молодую женщину страшные

слова, красными отметинами оставаясь на побелевших щеках.

– Не бери в голову! Ещё встретишь настоящую любовь, свою единственную, от которой не захочется убегать, лёжа с ней в койке, которая будет значить больше, чем все мы, остальные. Пусть будет взаимным то чувство! – неожиданной насмешкой парировала Эля.

Стрела попала в цель, сказанное сводило с ума. Какую любовь? Только она с некоторых пор владела сердцем молодого человека, это она отвечала молчанием на его страсть, теперь вот досадный провал всё испортил!

Он процедил жестоко, безжалостно, уравнивая счёт:

– Что валяешься со мной? Знаешь же – между нами ничего быть не может!

– Знаю. – Мужчина удивился спокойствию любимого голоса. – Действительно, что можно ожидать от наших отношений? Всё, уходи! Утро уже, поспать необходимо.

Легко спрыгнула с кровати, накинула халатик, почти вытолкала его, еле успевшего одеться, из комнаты.

– Иди уже к Вете! С ней всё может стать! – издевательски бросила на прощание.

Серёгин шёл по коридору, яростно вполголоса ругаясь. Хорошо начиналось – паршиво закончилось. Стыдно! Нет, к ней он больше ни ногой. Выход один – забыть! Вёл себя как настоящий идиот, да и она хороша! Дура занозистая! Да, сглупил, набрехал чушь, пытаюсь сохранить лицо, остат-

ки гордости, а строптивица взвилась, выгнала. Его выгнала! От мысли, что больше не прикоснётся к любимому лицу, заныло сердце.

Ночью его крутило, не мог заснуть от боли. Злость за случившееся брала верх, всё же Олег понимал, что Птаху сильно обидел, она же в отместку взяла в полон его сердце.

17. Она. Унесённые мечты

«Ну вот и вся любовь, – обречённо размышляла Эля, лёжа в постели с закрытыми глазами. – А так славно начиналось! Всё пошло прахом! Хорошо хоть от Косты прикрылась. Поласкались, наговорили гадостей, разобиделись да разбежались. Как такое могло произойти?»

Веки разомкнулись, зрачки вглядывались в темноту. Девушка минуту за минутой прокручивала события ночи в голове, каждый миг, каждое слово. Она отказалась идти с приятельницей в соседний номер на какую-то попойку – не заинтересовало, Олег там не ожидался. Занималась маникюром, когда дверь распахнулась. Постучали приметно, вошедшего определила безошибочно, выглядывать из-за спинки кресла не потребовалось. Сердце сделало в груди сальто.

– Что чахнешь? Пошли. Не пьёшь, так просто посидишь, – сразу насел Олег.

– Заслали гонца? – Лучше съязвить не получилось.

– Ведь знаешь – не отстану!

– Куда денешься!

– Всё понял. Необходим другой подход!

Эльга замешкалась, быстро отреагировать не смогла, посланец мгновенно оказался рядом, поднял легко на руки, забросил на плечо, вынес через дверь в коридор. Забылось, как дышать, тело перестало подчиняться. Она тряпичной марио-

неткой повисла за спиной парня, по инерции продолжая подпиливать ногти, ощущая неловкость.

– Пусти! – взмолилась. – Сама пойду!

– Честно?

– Ага!

Когда сползала по груди похитителя, живым слепком повторяя контуры, придерживаясь за шею, произошло нечто странное: ноги коснулись пола, они продолжали стоять, приросшие друг к другу. Серые спокойные глаза не прерывали контакта с зелёным пламенем. Сопrotивляться возникшему притяжению казалось невозможно. Только осознание опасности разоблачения разомкнуло спаянность тел.

– Зачем ты так? – запинаясь, прошептала Эльга, покрываясь румянцем.

– Это ты что со мной делаешь? – слабо огрызнулся Олег, взяв за руку, потянул за собой. – Потом всё, сейчас нас ждут.

У ребят ей плеснули в бумажный стаканчик мятного ликёра, пододвинули пирожки. Гостья чуть отхлебнула предложенного напитка, стены поплыли перед глазами, но не из-за спиртного – от близости Серёгина, пристроившегося рядом, сыпавшего словами, которые горохом отскакивали от одурманенной головы.

Олег потянул танцевать под магнитофон. Эля неуверенно встала, про себя подметив комичность поведения обоих. Мелькание лиц, духота, смог от сигарет, капля ликёра, музыка, крепко прижимающие мужские руки ввели в состояние

прострации. Душа уже забыла, как приятно ощущать Олега рядом, волны счастья приподнимали над полом, она парила. Парни громко заспорили, что нарушило идиллию сопричастности.

– Пойдём к тебе, – предложил Серёгин.

– Да, хорошо! Иди вперёд, мне заскочить в семнадцатую за кофтой нужно.

– Зачем? Потом забежишь!

– Поздно будет, они лягут. Утром холодно на работу идти. Сдуру забыла!

– Хорошо. Я жду. Только быстрее! – Олег ушёл вперёд.

Девчонка отчаянно нуждалась в этих нескольких минутах передышки, чтоб привести мысли и чувства в порядок. Рядом с желанным мужчиной всё меркло. Она прислонилась щекой к прохладной стене возле двери, успокаиваясь. Решено! Он будет с ней сегодня или никогда.

Вернувшись к себе, Эльга испытала сильнейшее негодование, обнаружив уже позабытого Андрюшу, по-свойски распорядившегося за столом с Николаем Николаевичем да каким-то незнакомым бугаём.

«Кучерявый теперь пожизненно будет чёрным котом на моём пути? Сегодня с эскортом притопал! Такого ещё не случилось!» – подумалось в отчаянии.

Олег, совершенно спокойный с виду, потягивал пиво с ними за компанию. Мгновенная растерянность сменилась сухой яростью.

– Что вы здесь делаете? Вас приглашали?

Леденящий голос с металлическим оттенком смутил непрошенных гостей.

– Встали, все пожитки прихватили с собой! Даю секунду освободить помещение, не пивная! – Эля почти приказывала.

Мужики, безропотно прихватив бутылки, отправились восвояси. Эльга краем глаза видела, как Серёгин оцепенело наблюдал с каким-то потаённым торжеством за решительными действиями, но для неё сейчас первостепенно важным являлось лишь одно: сегодня необходимо остаться наедине с Олегом.

На выходе Андрей замешкался, но качок, ухватив того за плечи, сально произнёс:

– Пойдём! Не видишь, тут брачная ночь намечается!

Воительница стояла, опустив глаза и руки, ощущая усталость. Всплеск неукротимой энергии угас, оставив опустошённость. В голове билась птицей мысль: «Я буду только его! Только его!»

Олег подошёл, провёл костяшками пальцев по побелевшему лицу, дрожь наслаждения пробила тело.

– Тише! Успокойся, дурочка! – нежно проворковал он.

«Я послушна, перечить не стану, сделаю как скажешь! Я сознательно и добровольно вверяю тебе душу и тело. Будь со мной! Научи меня!» Произнести вслух заверение не осмелилась. Мысли бились в висках, отражались в движениях

Олег порывисто привлёк к себе Элю, запрокинув голову, впился в губы; она опьянела от его силы, нежности, власти, впитывая вместо воздуха поцелуи. Такого расслабления девушка не допускала никогда, реальность исчезла в фантастическом мареве.

Вопрос про любовь застал врасплох, Эльга растерялась. Подсознательно зная, что страсть к любимому человеку расцветала в душе, она боялась окончательно уверовать в это, убеждала себя в ошибочности рвущихся наружу чувств. Не поверив себе, не могла раскрыться никому другому. Запасной аэродром Вета, изначальное враньё, ненормальное, судорожное развитие отношений, насильственное вклинивание в ход жизни Косты, неизвестность последствий очень тревожили сознание неопытной простушки, которая не могла представить, как это соединить, как всё отразится на ней, поэтому отговорилась более умеренными чувствами, но щёки запылали от лжи.

Губы вновь соединились. Во власти навязчивой мысли, сквозь поцелуи сумела задать мучающий вопрос о сопернице. Серёгин, уверенный в любви Веты, прихвастнул всепрощающим поведением подруги, его такое положение устраивало. В одно мгновение в сознании вспыхнуло: «Зачем ему я? Для коллекции?»

Ловелас, почувствовав смятение, стал оправдываться, объясняться:

– Я её не люблю! Веталина хорошая подруга, всегда будет

только ей, много помогает, но долго находиться в её обществе не могу, изматывает. Если женюсь на такой, то года через два сбегу, не выдержу. Налево потянет точно! Изменять буду! Ты другая, совсем другая. От тебя тепло исходит, нежность. С тобой и легче и тяжелее одновременно. И хорошо и плохо. Ты будто затишье перед бурей, волнуешь до потери пульса!

Потянув к кровати, обрушил на лицо, шею, губы каскады поцелуев, пробрался к груди, задохнувшись от наплыва эмоций. Потом, обхватив голову двумя руками, зарылся носом в мягкий пух волос.

– Пахнешь обалденно!

Эльга не могла остановиться, она чувствовала страсть партнёра, но не принимала в расчёт; объяснения не устраивали, только полное признание её прав на любимого могли успокоить страждущую душу.

– У Веты красивые волосы...

– Да, – согласился он. – Красивые. Может, это единственное, что до дрожи нравится. Но твои шелковистее, мягче, пахнут волшебно. Не могу насладиться! Знаешь, семь лет назад ваш покорный слуга являлся обладателем длинных волнистых волос. Сестра с подружками завидовали. Сейчас же видишь – поиздержался. Может, через пару лет ещё полысею.

Эля хмыкнула. Не вырисовывался у неё Олег без волос, с лысиной. Тот отстранился, внимательно посмотрев в ли-

цо, неожиданно обозлился на что-то. В серых глубинах глаз мелькнули недобрые огоньки, с издёвкой стал истязать наивную дурочку странными намёками на суицид из-за его скорого отъезда. Эльгу, никогда не ставившую жизнь в зависимость от обстоятельств, непроизвольно передёрнуло от безжалостного предложения.

– Тебе так хочется моей смерти? – сумела совладать с эмоциями Эля.

Она отлично понимала причину его ожесточённости, но не допускала мысли о возможности такого безжалостного поведения в моменты наивысшего доверия. Пренебрежительно пожав плечами, нанесла свой удар, бросив через плечо, что всё забывается, он тоже не исключение.

– Уедешь – забуду!

Обнимающие за плечи руки дрогнули, хотя не отстранились.

«Зачем делаем друг другу больно?» – покаянно мелькнула мысль перед новым погружением в хаос поцелуев и ласк.

Ощутила девушка себя вновь, когда они окунулись в блаженство соединения тел. Погружаясь в радость единения, ощущая партнёра каждой трепещущей клеточкой, неумолимо приближаясь к черте, делающей двух человек одним целым, они балансировали на грани перехода реальности в иное мироощущение... Не случилось, соития не произошло. Всё прекратилось, будто сдулся воздушный шар, оборвалась струна на высокой ноте, в момент кульминации вир-

туозной музыкальной композиции. Девушка лежала опустошённая, оглушённая, неуклюже пытаюсь ободрить поникшего любовника:

– Наверно, во всём виновата моя неопытность, – шептала успокаивающе, переводя ответственность за неудачу на себя. – Может, не то делаю, не вдохновляю...

– Причина не в тебе! Чёртовы гулянки виноваты, – прервал Олег, отводя глаза. – Ты возбуждаешь, даже чересчур сильно. Всегда возбуждала!

Вновь и вновь возвращалась пара к любовной игре, но каждый раз некая заколдованная черта вдребезги разбивала взлелеянные надежды. Эльге были приятны губы, руки, тело возлюбленного, она испытывала удовольствие, подчиняясь желанному мужчине, млела, лёжа на заросшей светлыми волосками рельефной груди, а он плотнее вжимался в неё, чтоб вобрать в себя без остатка, соединиться хоть таким способом. Ей это нравилось.

Глубокой ночью вернулась Рина, уловив очертание парня, прошла в свой угол, стараясь не смотреть в их сторону.

«Вот стерва, – с сарказмом подумала женщина. – Вчера ещё не знала, на ком остановится, на Кузнецке решила отыграться, только определилась – и мгновенно заарканила. Что хочет, то и делает. Наивной, беззащитной простушкой прикидывалась. Надо быть начеку с этакой хищницей!»

Вскоре послышалось мерное дыхание спящей.

Молодые люди, успокаиваясь, долго шептались, уставшие

от бесплодных попыток достичь желаемого.

– Нам надо привыкнуть друг к другу, – резюмировал Олег.

– Надо, – соглашаясь, эхом вторила Эля.

Но безропотность парня взбесила, злой дух перечеркнул нежность возлюбленного, с маниакальной мстительностью тот принялся истязать Эльгу информацией о бывших партнёрах, признавался в страсти к некой далёкой Гале, к которой всегда отчаянно стремился, даже сейчас удрал бы прям с постели, помани та ручкой. Девушка потерянно замкнулась, почувствовав себя с ним дешёвой одноразовой игрушкой, одной из многих, заменой, как в первые дни знакомства.

«Зачем выжимать из меня признания в любви? Сам не любит, о какой-то Гале тоскует. Играет в трофеи? Про своих шалав распинается! Мне это нужно? Или я с ними в одном ряду? – горько размышляла молодая женщина, выслушивая подробности любовных отношений. – Понятно, делает больно мне, потому что невыносимо ему, реабилитируется через прошлое. Так, что ли?»

Эля не могла ничем помочь, она сама страдала из-за глупой ревности к тем далёким пассиям. Сдерживая слёзы, на вернувшиеся на глаза, сделала усилие над собой, ровным голосом попыталась увести разговор в сторону размышлениями о неотвратимости судьбы, которая обязательно найдёт всех, чем сильнее озлобила Серёгина. Больней всего унижала уверенность дорогого человека в безрезультатности их отношений. «Нечто», поселившееся в сердце неопытной де-

вушки с их первой встречи, не хотело сдаваться, верило в будущее. Не в состоянии больше терпеть горькую боль, причиняемую беспощадными речами, вскинулась и вытолкала гостя, крикнув что-то вслед про Вету. Серёгин ушёл не прощаясь.

– Так вот и закончился наш роман, не успев начаться. Ласки были, а главного не случилось. И почему только у Косты всё на ходу, как у кролика? Но тот мне противен, совсем не нужен, а кто желанен, тот холостыми зарядами бьёт. Вот проблема! – засыпая, прошептала Эльга.

18. Он. Недостижимая

Спозаранку на крыльце Олега встретили вопрошающие взгляды друзей. Он не отреагировал на праздное любопытство, страшился появления Эльги, не знал, как поднять на неё взгляд, как вести себя, ожидал обвинений, упрёков от Птахи. Она шла в сопровождении Рины, ничего не меняя в обычной манере поведения. Общежитские сплетники остались разочарованы. Тот же холодный взгляд, торопливое приветствие – и она уже далеко. Серёгин не уловил ни сожаления, ни намёка на близость.

«Наверно, обиделась. Теперь всё! Конец!»

Он в ответ зеркально спроецировал на себя отстранённое выражение лица пассивности. Молодые люди были словно двое незнакомцев, все чувства остались запечатаны в комнате на втором этаже. Зато злорадство, прикрытое тонким слоем сочувствия, слышалось в разговорах спутников по пути к рабочим местам.

Продвигаясь за коллегами, Олег мрачно думал: «Откуда в общежитии всё всем становится известно – где, с кем, кто проводит время? Неужели ничего нельзя сохранить в тайне в этом приюте сплетников? Возникало бы меньше проблем».

В мастерской, механически перебирая какие-то запчасти, мужчина постоянно мысленно возвращался в запретный номер. Серёгин был раздавлен, уничтожен произошед-

шим. Глупостью стало затрагивать тему отцветших любовных отношений, хотелось предстать непревзойдённым плейбоем. Только Эля в последнее время занимала его мысли. Он не знал, когда это началось, как его так сильно зацепило, но Эльга превратилась в предел мечтаний. К ней, только к ней тянуло молодца неодолимой силой. Девушка доверилась, позволила прикасаться к себе, подпустила ближе некуда. Какой же она казалась трогательно-беззащитной, совсем неопытной, даже неловкой – и прекрасной у него в объятьях!

Серёгин чувствовал: затянувшиеся отношения с Ветой не стоят даже минуты общения с Элей. А теперь перед глазами разверзлась чёрная дыра, крах всех надежд. Олег не понимал причины происходящего: всё, что вчера цвело, замёрзло, почернело, стало безжизненным, пошло прахом. Когда досада, стыд взяли над ним верх, он обидел девушку жестоко, заглушая свою боль, не желая видеть в глазах Эльги даже искорки жалости. В итоге лишь горечь разочарования мерцала у москвички под ресницами при прощании. Её попытка взять на себя вину за мужскую слабость унижала. Выговаривая возлюбленной о бесперспективности их связи, жаждал от неё опровержения, получил же нынешний безразличный взгляд, подтверждающий, что пути назад нет. Надо вновь пытаться не думать, забыть строптивицу.

Выдержал три дня. Решился в обеденный перерыв, в отсутствие Рины, заскочить к Эле – тянуло арканом. Оправдываться не захотел, молча развернул сопротивляющуюся

хрупкую фигурку, зафиксировал подбородок рукой, другой крепко прижал к себе и прильнул к манящим губам жадным, почти грубым коротким поцелуем. Сразу же намеренно резко задал вопрос:

– Приходить ко мне в седьмую комнату будешь? Валька сегодня у Таи ночует.

– Нет! – Ярость, возмущение засверкали во взгляде.

Отказ обжёг нестерпимо. Резко отвернулся, выскочил из номера – боялся не совладать с собой, вышло не так и не то. Он совсем разучился разговаривать с женщинами. Мучила досада. На время затих, вновь избегая встреч с девушкой. Чтоб отвлечься, пошёл к Вете, доказывая себе правильность выбора. Та была понятна, предсказуема, обыденна, не действовала на Олега так болезненно, не рвала душу в клочья.

На четвёртый день терпение вновь иссякло. Не мог поверить в окончательность разрыва. Еле дождался вечера, понёсся к ней. Она читала в одиночестве. Целовал взахлёб, самозабвенно, не веря в счастье. Гордячка отвечала с готовностью. Не мог понять почему. Отчаянно рискнул, взял за руку, потянул:

– Пошли!

Девушка подчинилась, поспешно засемила за ним, испуганно озираясь. Он чувствовал нервную дрожь, успокаивая, прижимал к себе. Хотелось стать для неё всем, самым сильным, самым нужным человеком в жизни.

В комнате врубил музыку. «Скорпионы» в своём надрыве молили о любви, о прощении за причинённую боль. Выбранная композиция идеально подходила к ситуации. Эльга взглядом обследовала пространство. В поцелуе опрокинул гостью на кровать. Девушка затрепетала, как пойманная в силки птица, готовая при малейшем шорохе взметнуться, вырваться, обрести свободу, упорхнуть. Ни ласковые слова, ни лобзания, ни нежность так и не уняли бешеный стук сердца под руками, не успокоили волнение, не стёрли тревогу с глаз. Чужая территория, непривычная обстановка зомбировали Элю, превращая в одеревеневшую марионетку.

Надежда на родные стены не оправдалась. У Олега опять ничего не вышло. Он почти силком привёл трусишку в некомфортную обстановку, где она не смогла расслабиться, утянув парня в водоворот своих переживаний. Или дело всё же в нём? Под утро измученная гостья тенью выскользнула из комнаты, он не сумел сказать ни слова в ободрение, не проводил, даже не взглянул, не посмеив посмотреть в глаза.

Ставшая привычной мысль о необходимости забыть Эльгу упрямо не выходила из головы. Однако ночью мужчина ждал её у себя в номере, верил: если придёт – значит, любит. Дорогу же знает – Ветка давно незваной забегает. Занялся рассвет. Он не сомкнул глаз, измученный телесной болью. Ожидания обманули. Магнитом влекло к ней, сладить с такой силой оказалось невозможно. Следующим вечером задумал сам навестить прелестницу, всё высказать, дать послед-

ний шанс. Должна же существовать справедливость на Земле: так желать женщину – и быть не в состоянии ею обладать!

Ближе к полуночи Олег появился в номере Эльги. Рина по обычаю отсутствовала. С порога, скрывая смущение, накинулся на девушку с обвинениями:

– Почему не пришла вчера? Ждал, не спал до утра!

Глаза хозяйки округлились от удивления.

– Не понимаешь обстановку? Я совсем не знала о твоих планах, может, ты гулял с компанией...

Даже не стал слушать, обхватил двумя руками голову, припадая к губам. Она ответила с готовностью, неподдельной страстью.

«Почему девчонка не гонит взащей? Почему идёт на близость?» – вновь пытался разгадать ребус молодой человек, наслаждаясь сладостью ласки.

Олег частенько наблюдал за ухажёрами москвички, знал способность гордячки поставить на место зарвавшихся претендентов, урезонить, обратить всё в шутку, в смех, ответить прямым отказом. С ним же красавица становилась иной, он чувствовал заинтересованность партнёрши. Это ободряло парня, вселяло надежду.

Накал страсти возрастал, всё смешалось, стало общим, слилось воедино в чувственном, изысканном смаковании друг друга. Но увы! Физическое бессилие неотвратимо настигало, преграждало путь в блаженные чертоги, закрывало доступ к полному обладанию любимым человеком. В осадке

остались неизбывная жажда, неосуществимое желание, гнев на злой рок.

Резко вскочив, Олег окинул взглядом напряжённую фигурку, прижимающуюся к спинке кровати с натянутой до подбородка простынёй, небрежно вскинул голову, жёстко бросил через плечо, оправдывая во всём самого себя:

– Ничего у нас с тобой быть не может, ничего не получится, – и ушёл, не оглядываясь, тихо прикрыв за собой дверь.

19. Она. Трясина

Уже в который раз они пробовали начать всё заново, и каждый раз заканчивалось не так, как хотелось. Эльга, сидя на работе, думала, что ей хорошо удаётся скрывать свою растерянность. Жгучее чувство несправедливости подстёгивало выплеснуть Серёгину прямо в лицо кипяток отчаяния:

– Зачем ты так? Я же живая, мне больно! – но сдерживалась.

Она недоумевала, почему её так задевают обидные слова, поступки Олега; девушка видела надрыв, понимала мотивацию такого странного поведения. Кузнечнику можно спустить грешки, только для неё это оказалось как-то совсем непросто. Желание парня причинить беззащитной партнёрше ответные страдания вызывало возмущение. Эльга окончательно запуталась в паутине противоречивых чувств.

«Неужели попалась? Влюблена? Не может быть! Нас невероятно тянет друг к другу. Но это физическое, скоро пройдёт. Вот наиграемся, да остынем. Всё в жизни имеет начало и конец. Должно пройти! Так хочется назвать его любимым, единственным, только у этого мужчины сплошные проблемы: пьёт, курит, дебоширит, гуляет, при этом несостоятелен в сексе, а я, идиотка, пылаю страстью. Что-то необходимо предпринимать!» – терзалась девушка.

Поторопилась стряхнуть с себя остатки посторонних мыс-

лей, включиться в рабочий процесс. Дел было достаточно, в отделе шёл учёт; чтоб успеть в срок, придётся брать работу на дом. Теперь Олега не увидит долго, вот и ладно! Он обиделся, она тоже, не будет отвлекать от работы.

В обеденный перерыв привязчивые мысли с новой силой атаковали Элю.

– Я схожу с ума! Хочется рыдать и смеяться одновременно. Нельзя показывать виду никому. Ничего не происходит! У него, похоже, отпала необходимость в тайной связи. Хорошо ли? Он мне нужен? Небось у Веты оживает! Со мной не получилось – у верной подруги зализывает раны. Боже, неужели ревную? Выспрашивать про милого не годится. А мальчик-то испарился! – бормотала страдалица, наливая себе чай.

Думы изводили. Дни летели. Москвичка отчаялась увидеть Серёгина вновь, настраивалась на утешительное «всё к лучшему». В один из вечеров дверь их комнаты распахнулась одновременно с «фирменным» стуком, только соседка ретировалась к Серёге. Эля вскочила со стула, отступила к окну, неожиданно испугавшись решимости приближающегося Олега. Его жёсткий, краткий, возбуждающий поцелуй ошеломил, последующее предложение оскорбило. От неё требовалось являться в седьмую в отсутствие Вальки, забыв стыд, для плотских забав. Девушка отвернулась, скрывая подступившие слёзы, с отвращением выплюнула отказ. Парень резко вышел из комнаты. Она, обессиленно уронив

руки, обречённо пожала плечами.

«Что от меня хочет? Зачем такое требует? Почему он так?» – гневно клокотало в груди.

Но без ласкового нахала серые дни тянулись уныло.

«Вот теперь окончательно всё», – твердила себе девушка.

В конце четвёртого дня Кузнечик опять появился на пороге.

«Прискакал! Он что, подкарауливает уход Рины? Необходимо сюда ходить? Уж оставил бы в покое, наконец. Можно было бы попытаться забыть неудачливого возлюбленного, ясно же – роль секс-игрушки не моя. Если нужна я – зачем Вета? И наоборот. На двух стульях не усидишь. Растолковал бы».

Олег подошёл вплотную, горячка не отступила, неожиданно сердце радостно понеслось вскачь. Касаясь пальцами рук маленьких ладоней, вонзился взглядом в глубину глаз, будто в душу желал проникнуть, затем медленно наклонился к губам. Она с готовностью, зачарованно подставила их – не могла иначе. Он целовал нежно, неспешно смакуя, с каждой минутой усиливая нажим, поцелуи становились жадными, требовательными, поработощающими. Дальше, глупо улыбаясь, пытались отдышаться, всё не прерывая зрительного контакта. За сцепленные руки Серёгин настойчиво потянул за собой. Безропотно подчинилась. Оказавшуюся в чужой комнате Птаху накрыла дрожь.

– Тише! Не бойся. Всё хорошо! Никого нет, – успокаивал

Серёгин, поглаживая ей руки, спину, шею, лицо, перебирая пальцами мягкие пряди волос, шумно вдыхая запах кожи, и целовал, целовал, целовал. Звуки страстного рока, льющиеся из магнитофона, стоящего на подоконнике, видимо, должны были создавать некую особую атмосферу романтической наполненности, но только отвлекали, утягивая в эмоциональный шторм. Свет одинокой звезды на почти чёрном небе, проникающий сквозь щель неплотно задвинутых гардин, тревожил предчувствием надвигающейся катастрофы. Эльга смотрела на неё, отдаваясь ласкам хозяина, прижатая к постели сильным телом, с ужасом постигала свою неспособность справиться с удушающим волнением, сковавшим её мышцы, лишившим способности говорить, улыбаться, думать. Девушка не смела отказать, но панически боялась возвращения соседа, неурочного визита Веты.

Под утро усталая, измученная бесплодностью атак, выскочила из кольца рук. Разочарованный, опустошённый парень лежал молча, отвернувшись к окну, невидящим взглядом уставившись в прорезь занавесей. Эля оделась, виновато оглянулась – Олег не пошевелился, пока за ней не закрылась дверь. Оказавшись у себя в номере, безвольно опустилась на постель. Гордячку мучил стыд, что позволила увести, не смогла расслабиться, притворялась, играла чувствами там, в той комнате, хотя на самом деле ничего не ощущала, кроме растущей паники.

«Какая же неопытная, нервная, безвольная любовница по-

лучается из меня. Вернее, совсем никакая не получается».

В голове звучали злые слова матери: «На тебя никогда ни у кого не встанет!» Не поняла тогда, о чём идёт речь. Теперь вот близость из-за чего-то срывается. Загулы с пьянками партнёра виновны или её неопытность с напряжением? Может, возлюбленный не желает совсем интимного контакта или, наоборот, чрезмерно озабочен, а страх перед поражением убивает потенцию? Или всё же действует проклятие злой мамыши? Слёзы тихими ручейками скатывались с уголков глаз. Он разочарован, она тоже! Парень не удосужился даже повернуться, когда Эля уходила. Попользовавшись, выкинул, словно ненужную, второсортную вещь? Что же теперь? Это конец? Неужели Серёгин смирится с поражением? Сможет ли она теперь без него существовать, видеть, да не дотрагиваться, слышать, да не сметь подать виду?

На следующий день, в обед, Эльга попросила приятельницу раскинуть карты на любовника, хотелось глотка надежды, но вышло неутешительно. Везде на пути стояла соперница с тайным врагом. Добавить одинокую звезду на небе с материнским проклятием – совсем нерадостная картина вырисовывалась. Но девушка не намерена была подчиняться обстоятельствам. Если приметы ничего хорошего не сулили – откажется верить в напророченную чушь. У неё будет всё как ей хочется!

Олег явился через день. Попутно упрекнув, что сама не зашла давеча, набросился с поцелуями. Она подчинилась

напору, раскрыла губы под воздействием сладостного наваждения. Всё перешло в безумную, нежную, страстную ночь. Эля отдалась без раздумий, полностью, без остатка, истово лаская крепкое тело, получая наслаждение. Желание, восхищение, льющиеся светом из любимых глаз, наполняли уверенность в своей исключительной значимости. Только ночь так и не принесла удовлетворения их стремлениям, надеждам. Гость, одеваясь, опять прятал глаза, игнорируя её присутствие. Испытывая некоторую непонятную вину, обёрнутая простынкой девушка прижалась к спинке кровати, подтянув к себе колени, растерянно глядела на уходящего. Подойдя к двери, с грубоватой тоской Олег метнул ставшие привычными безжалостные слова:

– Ничего у нас с тобой быть не может! Не получается!

Когда дверь захлопнулась с тихим щелчком, Эльга, свернувшись в клубок, долго думала о странной ненормальности отношений с мужчиной: «Я кукла для него! Так хочется значительно большего, настоящего, возвышенного, восхищения, комплиментов, море цветов, нежностей. Доступны же одни прелюдии да обидные обвинения. Просить, требовать не моё. Я не его, он тоже не стал моим, хотя до такой степени никогда никого в жизни не приближала к себе, тем более мужчину, так интимно, откровенно не доверяла своё тело никому. Увы, и Кузнечика познать во всей его полноте не удалось. Парень говорит правду, ничего у нас быть не может! Интересно, такая реакция временна или постоян-

на для страдальца, происходит только в отношениях со мной или всегда? Почему постоянно хочется именно Олега рядом, и никого более? Такой экземпляр пропадает зря!»

На работе молодую женщину будоражили мысли о перспективности отношений. Это мешало. Дел накопилось достаточно, поступила новая большая партия медикаментов вверенной группы, весь день провела в суматохе. Прогнать образ Олега из головы не получалось. Парень куда-то исчез. За окном, кажется, разверзлись хляби. Настроение опустилось до нулевой отметки безразличия ко всему происходящему. Дни опять стали сливаться в безликую череду. Ходили слухи, что Серёгин запил по-чёрному, Вета ухаживает за ним, кормит.

«Это конец! – болело сердце девушки. – Он поставил точку. Стоит забыть и мне! Жаль разбуженных Кузнечиком чувств, они молчали более десяти лет. Неужели Олегу суждено стать моими „альными парусами“, которые я безнадёжно теряю. Всё! Спокойно! Возьми себя в руки!»

Эльга понимала: Серёгин должен самостоятельно принять решение. Сдаваться или бороться – это его выбор. Её час расставлять приоритеты в отношениях придёт позже. Тест на совместимость их судеб выполнит жизнь, но слишком много преград вставало на пути. Преодолимы ли препятствия, когда само время играет против? Ставить на Олега пока не представлялось возможным. Он не верил в себя, не верил в неё, цеплялся за запасной вариант, что совсем нечест-

но с его стороны. Для Эльги оставалось загадкой, кто из девушек ходил в запасных – она или Вета! Кузнечик не верит чувствам, притяжению, значит, ему трудно помочь.

«Нельзя за него бороться, если он сам не хочет. Одной не осилить! Как всё-таки это больно, но цепляться за заведомо проигрышный вариант не стоит!»

Временами силуэт Серёгина маячил вдалеке, мечущаяся в одиночестве душа девушки мучительно изнывала в тоске.

В субботу, чтоб не раскиснуть окончательно, пошла с девушками на танцы. Знакомую фигуру у колонны разглядела сразу. Её пригласили, она механически согласилась. Олег тут же увлёк Вету. Их пары качались в такт музыки совсем рядом. Эльга из-под ресниц следила за ними. Серёгин выглядел безучастным, холодным, совсем чужим. Иногда она чувствовала скользкий взгляд на своём лице, что являлось томительной пыткой – быть рядом и нескончаемо далеко одновременно.

Серые будни, в которых отсутствовал Кузнечик, душили ощущением бесполезности, потерянности. Эльгу мучила ревность. Душа маялась, горела.

В середине недели в общем зале проходило собрание. Эля использовала шанс для поиска знакомой фигуры. Неудачи преследовали – его не было, голова обречённо поникла. Только при выходе из зала ей удалось поймать мельком, из самого дальнего угла, посланный вслед свет тоскующих глаз возлюбленного. Она бессознательно замедлила движе-

ние, на неё кто-то налетел. Избегая повторного столкновения, девушка шагнула в сторону. В поле зрения попала какая-то маска откровенной ненависти вместо лица, обращённая на неё. Никогда девушка не сталкивалась с таким выражением неприятия со стороны мужчины.

«О боже! – вздрогнула девушка. – Валька-то чего злобится? Ему-то что я сделала? Ближко не общались вроде. Может, из-за Олега? Надо держаться подальше. Неровён час, пришибёт».

После собрания Серёгин вообще исчез, будто в части такой и не числился. Грусть затопила всё существо девушки, как дождь за окном все дорожки с переходами. Без всякой надежды, по привычке Эля продолжала ждать, но почти уверовала в окончание болезненной истории. Отказаться от Кузнечика совсем душа не сумела. Эльга клялась забыть неудачливого ухажёра, но задыхалась от мысли, что даже в своих фантазиях не сможет прикоснуться к нему. Внешне девушка выглядела холодной, собранной, боялась выказать кому-то стороннему зародившиеся чувства. Слишком долгожданны, дороги они стали для неё, чтоб позволить дотронуться, очернить, затоптать робкие ростки. Вета посылала след колючие, оценивающие взгляды.

«Может, слухов набралась?» – вопрошала москвичка.

В общаге поговаривали: Веталина с Серёгина пылинки сдувает. У Эльги заканчивалось терпение, Олег не приходил. Значит, верно, та ночь действительно стала последним

свиданием, карты не соврали. Почему так нестерпимо горько? Вечером, покупая хлеб в магазине, услышала краем уха: парня услали в командировку в другую часть, тут он совсем спивался. Девушка чуть успокоилась, погрузилась в насущные дела, довела до совершенства картотеку, ещё раз сверила остатки.

Эле в отдел стал звонить Гинтарес, молоденький сержант из охраны. Они подолгу болтали, игриво флиртовали. Во всех отношениях интеллигентный мальчишечка из Литвы был приятен. Новоиспечённый обожатель сильно тронул по-детски пылким, наивным объяснением в любви, чем-то напомнив младшего брата, пока тот ещё окончательно не охамел.

В субботу командование части по просьбам служащих разрешило молодёжи внеочередную дискотеку. Гинтерес сразу подлетел к ней. Они, улыбаясь, болтая обо всём, несколько кругов прошли вместе по залу, когда Эльга увидела Серёгина на законном месте, у колонны. Сердце привычно перекувырнулось. Вета силком потащила упирающегося Олега на танцпол. Ревность комком встала в горле.

Услав своего партнёра «покурить», девушка отошла к стене, желая из тёмного угла беспрепятственно оценить соперницу, танцующую с её Кузнечиком, повторяла его приём. Но, видно, популярность девчонки в этот день зашкаливала, все парни на танцы явились в изрядном подпитии после очередной днюхи, немного подрастеряли обычную за-

комплексованность, смущение, испытываемые ими в присутствии «столичной штучки».

Из надёжного тёмного угла её настойчиво потянули на танцпол две сильные руки. Девушка сразу не сообразила, кому отдала танец. Только под мерцающими бликами танцевального пятачка поняла, что кружит с Валькой; удивлённо вскинула брови, с опаской поглядывая на неожиданного кавалера: «Он же меня почти ненавидит, судя по взглядам, которыми награждает. Где Тая? Как бы скандала не вышло».

Валентину же было без разницы. Он вжался в неё, что-то шепча, уткнулся носом в ложбинку за ухом, потом стал целовать мокрыми мягкими губами изгиб шейки. Слов из-за музыки не разобрала, поцелуи пришлось стерпеть, переводя в разряд шутки, – не хотелось разбирательств. Эльга видела напряжение Олега. Стало страшно. Только драки здесь не хватало. Одновременно потеплело от мысли – не всё кончено, чувства к ней живы. Дабы не усугублять ситуацию, сразу после окончания тура, не дождавшись, когда Валька проводит на место, свернула резко к двери, выскочила на улицу.

«Может, придёт? – думала с надеждой. – Ведь ясно видно – я у него на сердце».

Рина на ночь освободила комнату. Эльга ждала. Серёгин не пришёл. Слезы бессилия увлажнили глаза, а гордость высушила.

– Всё! Хватит с меня! Пусть лучше не приходит! Теперь не нужен! Перегорело. Переболело. Скажу «нет». Это конец!

Только где взять силы, чтоб сказать себе и ему «нет»? Найдут! Это предел, – дрожащими губами твердила горемычная, убираясь в комнате. – Вету бережёт, не мучает. В чём я перед ним виновата? Что моя душа выбирает лишь его? Что влюблена, как кошка? Что в глазах у меня только он с самого начала? А может, финиш такой к лучшему? Скоро возвращается Коста. От него я теперь защищена, а вот лишних разборок между ними мне не нужно.

20. Он. На пределе

Он обидел опять, ненавидел себя за несдержанность. В очередной раз расстались не по-хорошему. Совесть терзала. Всё у неё будет отлично, зачем портить жизнь Птахе? Популярность у девушки зашкаливает. Валька верно говорит сама выберет того, кто полностью устроит. Ему через три с половиной месяца в Союз. Девочка не про него. Ну не получается у них, будто сглазили, смысла нет друг друга ждать. Почему же внутри всё скручивает при мысли о малышке, сладко стонущей в наслаждении от поцелуев другого, не в его руках? Необходимо отключиться, забыть эту боль, это унижение.

Серёгин ушёл в запой, лишь время от времени заходил к Веталине перекусить. Работа, обед у Веты с пивом, работа, попойка, похмельное забытье – дни слились в один непреходящий дикий загул, приправленный безысходной тоской. Издали выловив очертание притягивающего силуэта милой, спешил отвернуться, на крыльцо не выходил, чувствуя потребность всё стереть из памяти. На очередную субботнюю дискотеку подруга долго уговаривала пойти, дабы отвлечь от бутылки; согласился, скрепя сердце, встал по привычке у колонны. Эльга вошла, будто в луче света. Олег непроизвольно зажмурился, отведя глаза. Её кто-то повёл в танце.

– Ну уж нет! Это мы проходили! Не собираюсь любить-

ся на вашу идиллию со стороны! – ожесточённо прорычал ревнивец, утягивая свою спутницу на танцпол.

Они парами качались рядом в плавном ритме музыки, каждый со своим партнёром. Серёгин чувствовал взгляд тайной возлюбленной, пущенный в него, прожигающий насквозь, краем глаза ответно приглядывал за ней, не мог не следить. Тело прошивало током от ощущения собственной беспомощности при виде Эли так близко в объятиях другого – болезненнее, чем просто стоять вдалеке, в тени. Когда вернулись в общагу, Олег напился сильнее прежнего.

На неделе созвали общее собрание. Бледный, с залёгшими тенями возле глаз после очередного возлияния, парень сел в дальний конец помещения, в углу, дабы не привлекать внимание, имея возможность беспрепятственно пользоваться самым удобным наблюдательным пунктом, открывающим обзор на весь зал. Девушка всё время вертелась, выискивая кого-то глазами. Это забавляло самолюбие гордеца, приписавшего беспокойство прелестницы на свой счёт. Ушёл торжествуя.

Неожиданно подвернувшуюся командировку Серёгин воспринял как спасение от преследующего наваждения по имени Эльга. Вернулся через три дня, прямиком к следующему дискачу. Вета, окрылённая предыдущим вниманием, вновь силком поволокла Олега в клуб, взяв там в оборот, не выпускала из своих рук ни на секунду. Парню было жаль отказывать подруге, она всё прощала, ухаживала

за ним, как за собственным ребёнком, в глаза заглядывала. Мужчине пришлось поддаться настойчивому напору. Веталина шла на риск, не обладая полной информацией о ситуации, не ведала о его мучительной зависимости. Эля танцевала где-то в конце зала. Молоденький сержант из роты охраны раздражал Серёгина – уж слишком часто стал мелькать перед Эльгой.

«К нему бы приглядеться. Уже третий танец не отпускает глупышку от себя. О! Испарился куда-то! Теперь другой! Да это же Валька, пьяный паразит, всё не может успокоиться, что пичугу из-под носа увёл. У него же Тая ещё здесь! Что делает? Намертво вжался, целует в шею. Девчонка молчит, правда, чуть отстранилась. Не получится! На неё наложено вето! Эля только моя! Скандал иуде обеспечен! – кипел от ярости Серёгин. – А может, москвичка и не ангел совсем?! Неопытной прикинулась, дурачком пытается выставить. Повёлся, идиот! Вот Ветка чистая, никому не даётся, даже мне, но любит, ждёт. На свадьбу надеется. К ней не суются. К этой же постоянно кто-то входит-выходит. Не пойман – не вор! Его-то не засекли ни разу, на людях же строптивца в упор не замечает никого. Возможно, таких дюжина у неё! Этот вот, сержант Гинтерес, заходит запросто, относится хитрая лиса к солдату при свидетелях терпимее. Теперь Валька губы распускает, пьяная рожа! Она уходит! Одна...»

Проводив спутницу вечером, Олег вернулся в номер. Со-

сед ложился спать. Подогретый неприятными размышлениями, Серёгин набросился на друга:

– Как ты смел её целовать? Она моя! Ты знаешь!

– Не смейся! Твой предел – Веталина. Ты только пьёшь, Вета за сторожа. С Эльгой закончено! Все забыли про ваш первоначальный вираж. А мне бабёнка нравится!

– Тая обидится, скандал закатит!

– Через три месяца Таисия отвалит. Кстати, ты тоже. Так что не смей указывать! Хочешь быть с девчонкой – будь, не мучай ни её, ни себя! Видно невооружённым взглядом, как искрит вас друг от друга. Необходимо выбрать: та или эта. На двух стульях не усидишь. Если любишь, что шарахаешься, как от чумы? Зачем пудрить мозги Вете, не испытывая ничего, кроме благодарности?

– Что ты знаешь о моих отношениях с Элей? Не суди! Сбежала она уже раз. Не помнишь? Забыл? С меня хватит!

– А иди ты знаешь куда! – Набросив футболку на плечи, Валя ушёл ночевать к подружке.

Олег промаялся ночь напролёт. Две недели без неё! Почти успокоился, или, вернее, почти запил это чувство водкой, а теперь этот дискач, и его перемальывает по новой. Наркотик какой-то! Днём не отпустило. Поздно вечером ноги вынесли к заветным дверям. Было безразлично, что у дальнего окна курили парни. Он шёл к своей женщине, которую давно не видел, не чувствовал её мягкости, не вдыхал аромата волос, кожи, не пил поцелуев с губ, не слышал голоса. На-

скоро постучав, вошёл. Рина пропадала в известном номере.

Девушка, увидев гостя, вскочила из-за стола, отбросив книгу, в защитном жесте подняла руку:

– Конец! Олежа, конец! Всё кончено! Уходи!

Подошёл, взял за запрещающую ладошку, притянул к груди, крепко прижал. Так стояли долго, впитывая в себя друг друга; когда прелестница подняла голову, завладел губами, о которых грезил долгое время помимо воли.

На следующий день общага загудела о восстановлении отношений Серёгина с Эльгой. Вета ходила будто в воду опущенная, слухи дошли до неё. Не хотела верить, но поневоле задумаешься, когда говорят все сразу. Издалека смотрела на Элю.

– Ну что он в ядовитой занозе нашёл? Чем я хуже? – в отчаянии шептала, рыдая ночью в подушку.

Общага ожидала развития сюжета. Зачем делать тайну, где её нет? Не дети же, в конце концов. Однако всё шло по-прежнему. От их отношений веяло прохладой – просто знакомые, не более. История повторялась. Олег зарёкся ходить к обольстительнице, пытаясь победить роковое влечение, зашёл в своей боли, запил.

Вечером с Валькой, потягивая пивко, разговорились о наблевшем. Друг жаловался на Таю, достававшую разговорами о замужестве, мечтая о скорейшем отъезде пассии. Серёгин заикнулся о Вете, которая в последнее время стала явственно намекать Олегу, что пришла пора определиться

со свадьбой – слишком много в него вложено, он порядком задолжал. Слухи о сопернице не отвратили девушку от намерения выйти замуж, только подхлестнули решимость добиться желаемого, даже путём некоторого шантажа. Разговор обострился на Эле.

– Опять запой? Что она такого делает, раз тебе так плохо? Бросал бы уж, если совсем не вмоготу такая любовь. С кем ты сейчас? Опять с Ветой? Ведь не с Эльгой же?

– Нет! Я с ней! – почти выкрикнул Серёгин.

– Ну, тогда докажи! Зачем здесь чахнешь?

– Как доказать?

– Пойдём проведем!

– Ты её не знаешь. Она бывает жёсткой.

– Перетерпим! Пойдём! Докажешь! Или завтра клинья начну к горячке подбивать. Ещё не знаешь, чья возьмёт. Может, врешь, что твоя? Цену набиваешь?

– Моя! – У Олега в глазах от возмущения потемнело. – Пойдём, увидишь!

Они шли по коридору. Одурманенной головой Серёгин лихорадочно решал, как оправдаться перед девушкой за сдвоенный визит.

Ребята вошли, у Эльги от удивления расширились глаза. Рина шуршала чем-то за шкафом, собираясь провожать какого-то солдатика. Они отправились сразу же после их прихода. Олег, ничего не придумав, без разговоров прошёл к знакомой кровати, принялся раздеваться. Эльга стояла вся

пунцовая, молча наблюдая за спектаклем, глаза сверкали молниями, руки скрестила на груди.

– Ну что не идёшь? Иди! – в отчаянии приказал ей.

– Это ты должен куда-то идти. Что-то перепутал? Не так ли? – парировала она высоким, звенящим от возмущения голосом. Краска неумолимо сползала с лица хозяйки, оставляя безжизненную белую маску ужаса.

Первым не выдержал Валька:

– Пойду, пожалуй! Пока! Оставляю голубков! Не ссорьтесь, живите дружно! – в своей насмешливой манере, скрывая смущение, произнёс балагур, исчезая за дверями.

Вдвоём долго молчали. Вернулась Рина, засобиравшись ложиться спать. Эльга застыла мраморным изваянием у стола. Серёгин сидел на кровати, опустив голову, постепенно трезвея от стыда.

– Ну что тут такого? Он сам увязался. Ничего же страшного не произошло.

Молчание убивало.

– Ну да, перегнул палку! Он же знает, что ты со мной!

Ни звука, тишина. Через некоторое время, к облегчению гостя, слышалось:

– Мне нужно было раздеться вместе с тобой для показательного выступления? Это отвратительно!

Слова испугали Олега.

– Нет! – вскрикнув, мгновенно подскочил к ней, сжав в объятиях. – Прости, я не имел права такое допускать. Про-

сти! – выдохнул Серёгин ей в волосы.

Несколько ночей подряд молодой человек провёл у Эли, уходя на рассвете. Это время запомнилось сплавом нежности с болью, надежды с безысходностью. Всякий раз, являясь к ней, парень взял за правило заправляться глоточком-другим из своих запасов крепких напитков – для храбрости.

– Настоящий мужчина должен быть всегда чуточку пьян, небрит, источать запах дорогого парфюма и сигар, – отшучивался ловелас, встречая вопросительный взгляд возлюбленной.

Она удивляла терпением, не гнала, понимая причину такого поведения. Только жалости в глазах становилось всё больше, за больного принимала. Отказаться от всего не мог, слишком сильно притягивала зазноба. Отчаяние захлёстывало молодца. Однажды психанул, придрался из-за Гинтереса, который зачастил к девушке.

– Он мальчишка! На семь лет младше. Мне как брат! Чаем угостить не жалко. Всё! Он доволен, уходит к себе. Я сама в войсковой части выросла, знаю, как нелегко солдатам приходится, так хочется чего-то домашнего, – заявила она в ответ на требование прекратить совместные посиделки.

Но Серёгина понесло, он припомнил всех визитёров, о которых слышал. Эльга, не спустив унижительного намёка, взорвалась:

– Я не размениваюсь, не с дешёвкой имеешь дело! Ты к Ветке тоже на чай ходишь и отказываться не собираешься!

Если тебе во мне что-то не нравится, говори прямо. Меня тоже не всё устраивает.

– Например? – Он замер в ожидании удара в адрес мужской несостоятельности.

Маленькая мегера процедила, спутав карты:

– Пьяным приходишь, свидетелей с собой приводишь, не бреешься в последнее время, совсем опустился. Всю кожу на лице исколол!

Ошарашенно посмотрев в возмущённые глаза, развернулся, исчез за дверью.

«Всё! К злоке больше ни ногой. Гинтересу ходить можно, чай гонять, мне же к Вете нельзя», – мстительно стучало в голову.

Почти две недели Серёгин запивал поражение, в который раз пытаюсь забыть проблему. В среду, напившись, не понял, как оказался у неё. Стоял посреди комнаты, глупо озираясь. Эля выскользнула навстречу, посмотрев чужим, холодным взглядом, выдавила:

– Убирайся!

Олега задел за живое презрительный тон – немного протрезвел. Неловко потоптавшись на месте, молча вышел.

В четверг на работе отмечали юбилей коллеги, вновь пьяным ввалился в запретную комнату, куда звало сердце. На расстоянии от желанной цели уже не удерживало ничего, даже алкоголь. Ноги сами несли к ней, а градусы снимали скованность, страх. Часы показывали около семи вечера,

слишком рано для конспирации. Молодица пробовала прогнать – не смогла. Упрямо проследовав к её постели, повалился ничком, зарылся носом в подушку, которая хранила любимый запах, погружаясь в блаженный сон. Сквозь забытьё слышались чьи-то голоса, упрямо отмахивался от попыток разбудить – тут было слишком хорошо, чтоб просыпаться. Под утро очнулся. Милая спала рядом, свернувшись клубочком, маленькая, трогательная, родная. Прорвался рукой под одеяло, надеясь прикоснуться к тёплой атласной коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.